

Урожай собрать не просто

Автор:

Юлия Васильева

Урожай собрать не просто

Юлия С. Васильева

Управлять дворцом не просто #2

Немного магии, немного психологии, щепотка шантажа, два стакана самоиронии и ложка оптимизма. Покрыть все толстым слоем смекалки, присыпать трудолюбием, украсить твердостью характера и выпекать на максимальном градусе терпения. Нет, это не рецепт пирога, а руководство по выращиванию сказочного урожая.

Юлия Васильева

Урожай собрать не просто

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Я водила пальцем по стеклу, очерчивая контур печального дерева, растущего за окном. Открывавшаяся взору осенняя пастораль не радовала главным образом потому, что мне приходилось созерцать ее на протяжении всех первых семнадцати лет своей жизни. Любимая среди сельских жителей поговорка «что посеешь, то и пожнешь» как-то очень красочно показала себя в действии. Я еще могла смириться с отцом, который, лелея мечты породниться с королевской семьей, на время смотрин бросил меня во дворец (причем на позиции как можно более близкой к монарху) – против суровости нашей семейной смекалки не попрешь. Но мне сложно свыкнуться с тем, что, после того как король выбрал в невесты принцессу богатого государства, мой же родитель, так стремившийся пропихнуть дитя поближе к трону, поспешил убрать неудачницу-дочь подальше от двора. То есть в деревню. Надеюсь, ему будет отрадно сознавать, что дитя зачахло от скуки, но все же не стало королевской фавориткой.

Увидев меня на пороге дома с сундуками, маменька несказанно обрадовалась. Наивно полагать, что радость была вызвана долгожданной встречей. Расцеловав меня в обе щеки, леди Иветта с удовольствием отметила, как я выросла и повзрослела. И опять же мне в голову не пришло, что причиной похвалы стала вовсе не материнская гордость, переполнявшая сердце родительницы.

На следующее утро, едва продрав глаза, я услышала подозрительный шум внизу, а когда спустилась, все сразу встало на свои места: слуги вытаскивали из дома чемоданы и сундуки, пока матушка, уперев руки в полные бока, зычным голосом отдавала распоряжения. К тому моменту, когда я поняла, что дело принимает дурной оборот, леди Иветта, зажав под мышкой младшего сына Андрия – так, что бедняге не удавалось даже пищать, – уже грузилась вместе со своими вещами в карету:

– Николетта, дочка, я на тебя рассчитываю. Приглядывай за хозяйством и братьями. А я месяц-другой поживу с твоим отцом при дворе. Достала меня эта глушь.

– Но, мама... – Робкая попытка высказать хоть какой-то довод против ее отъезда была пресечена на корню: шустрая родительница хлопнула дверцей кареты прямо перед моим носом так, что с несчастного средства передвижения черной шелухой посыпался лак.

– Трогай! – От звенящего окрика лошади пошли раньше, чем кучер успел притронуться к поводьям. В оконце появилась белая рука в дорожной перчатке и помахала мне на прощанье. – И не хулиганьте шибко!

Я в изнеможении прислонилась к перилам крыльца. Думаю, после такой выходки ни у кого не возникнет вопросов, что нашли друг в друге мои родители и в кого пошла их дочь. Если впоследствии еще выяснится, что тайной причиной отъезда моей матушки была вовсе не деревенская скука, а какая-то изощренная попытка выдать меня замуж – я сбегу из дома. Верьте, вот вам мое слово!

Наверху слышались возмущенные крики и шум. До меня доносились какие-то ругательства, произносимые срывающимся юношеским голосом, среди которых слова «богохульник» и «еретик» практически ласкали слух. Признаюсь, слышала слова и похуже, но разве можно допустить, чтобы так ругались мои младшие братья? Глядишь, и до драки дойдет – раскошеливайся потом на доктора. Я со вздохом оторвалась от созерцания пейзажа за окном и пошла вверх исполнять свой сестринский долг.

В комнате на втором этаже собрались трое из моих братьев, причем компания оказалась весьма причудливой. Ивар – второй по старшинству и первый по количеству тараканов в голове: еще когда мы все боролись за томик сказок Златоземья, он не расставался со сборником проповедей отцов церкви. С тех пор если что и изменилось, то только в худшую сторону. Следующий по старшинству Ефим – остролов, подлиза, а с недавних пор еще и неугомонный ловелас. Одиннадцатилетний Оська – выдумщик и шутник. Первый и третий яростно препирались из-за каких-то бумаг. Второй весело комментировал.

– Скажи мне зачем? Зачем ты это сделал? – Ивар с трагизмом в голосе тряс перед лицом Оськи исписанными листами. Сей трагизм был вызван, скорее всего, тем, что религиозное смирение не позволяло пострадавшему как следует поколотить брата.

– Я же помочь хотел. – Младшенький сохранял невозмутимость и веру в собственную правоту. – Пишешь-пишешь, букв много, а картинок ни одной. Вот я и проиллюстрировал.

– И что это, по-твоему?! Что? – Ивар не только еще раз взмахнул перед носом Оськи страницами, которые, судя по всему, представляли собой конспекты теологических трактатов, но и не без злорадного удовольствия продемонстрировал их всем присутствующим.

В промежутке между текстом, там, где должна была бы красоваться какая-нибудь совершенно ненужная, но изящная завитушка, втиснулась миниатюра, с усердием нарисованная сорванцом: один человек с размаху опускал камень на голову другому.

– Что ты тут проиллюстрировал?! – еще раз повторил вопрос хозяин конспекта, по-видимому, наслаждаясь недоумением на моем лице. Теперь уже все присутствующие ждали ответа с живейшим интересом.

– Святой Лаврентий венчает голову своего ученика венком из лавра, – объяснил малец, словно перед ним был неуч.

– А это тогда, по-твоему, что? – Брат продемонстрировал следующий лист конспекта, но прежде чем очередь дошла до меня, Ефим подхватился с места и вырвал бумагу у Ивара из рук:

– Ты что, показывать такое незамужней сестре?!

Я удивленно приподняла брови. Иллюстрация с этой страницы моментально приобрела манящий ореол запретного плода. Интрига нарастала.

– А это святой Лаврентий наложением рук исцеляет жену своего соседа, прикованную к постели тяжким недугом, – еще более складно пояснил Оська и, сделав большие невинные глаза, посмотрел на брата, словно ожидая, что тот объяснит ему причину своего гнева.

Ивар опустил руки с конспектом, он был не в силах противостоять наивности этого взгляда. К тому же брату изрядно льстило, что малец (не без его помощи) уже в таком возрасте был знаком с содержанием святых книг. Похоже, что только мы с Ефимом заметили проказливые искры в глазах Оськи. Шутник прекрасно понимал, что и как он нарисовал.

Решив восстановить справедливость, а заодно упрочить положение старшей сестры после столь долгого отсутствия, я подошла к притворщику, схватила его за розовое ухо и вывела в коридор:

– Так, а теперь послушай меня, великий художник. Либо ты сейчас же поможешь брату переписать конспекты, либо письмо с отчетом о твоём поведении отправится к родителям.

Оська притворно заикался, держась за ухо, а когда я его отпустила, со словами: «И зачем только женщин учат писать?» – скрылся в комнате.

Шалопай! Никакого уважения к старшим и радости от встречи с сестрой!

Хотя надо отметить, что жизнеописание святого Лаврентия в картинках Оськи получилось гораздо более занимательным, нежели в конспектах старшего брата. Но я бы не рискнула показать этот вариант жития нашему скромному церковнику.

До обеда, не желая и далее встречать в битвы своих братьев, я отправилась наносить визиты вежливости старым друзьям и знакомым. Чем загородная жизнь отличается от городской, так это прямо-таки экзекуторским вниманием к соблюдению приличий. И если вы хотя бы однажды забыли ответить на чью-либо записку или, не дай боги, не посетили званый обед – это вполне может обернуться тем, что ваших внуков будут упрекать в невоспитанности, усугубленной врожденным отсутствием такта. Поэтому на следующий же день после приезда, получив несколько приветственных записок, я была просто обязана обойти всех соседей и если не посидеть у каждого в гостиной несколько минут, восторгаясь изменениями в интерьере, которые произошли за время моего отсутствия, то хотя бы оставить на столике в прихожей свою карточку (на карточки, к слову, ежегодно уходил изрядный запас недешевого картона).

К счастью, соседей у нас не так уж много, поэтому при известной доле хитрости можно было обернуться до обеда. К небольшому городку под странным названием «Кладезь» (даже старожилы не могли объяснить, кладезем чего он являлся) примыкало не более пяти мелких имений (наше среди них) и всего одно крупное, принадлежащее старшему лорду Гордию. К лорду я конечно же идти не собиралась: достаточно оставить у привратника свою карточку, все равно все приветственные записки пишет секретарь, да и на порог-то меня в таких сапогах

не пустят...

Я посмотрела вниз: деревенские дороги, как и всякие дороги, оставляли желать лучшего, а осенние дожди и вовсе превращали их в непролазную хлябь. Сельские барышни, не имевшие возможности всякий раз пользоваться экипажами, выходили из сложившегося положения с присущей им практичностью: под юбку надевались прорезиненные сапоги. Не раз можно было увидеть, как та или иная деревенская роза, в нерешительности застыв перед просторами разверзшейся грязи, оглядывалась со сноровкой заправского бандита, стоящего на стреме, а затем задирала юбки едва ли не до колен, демонстрируя черные мужские сапоги, и уверенно преодолевала препятствие вброд. Мои братья порой развлекались тем, что подсматривали или, того хуже, пугали девушек своими внезапными криками, отчего те, утратив благоразумие, опускали подола своих платьев прямо в грязь.

Была и у меня такая практичная обувь, но в своей изощренной изобретательности я пошла куда дальше и стала влезать в сапоги прямо в легких домашних туфлях и беззастенчиво подкалывать подол повыше. Подобные махинации позволили мне под ошарашенными взглядами прислуги в прихожей первого же посещенного дома невозмутимо «выйти» из сапог, отколоть подол и двинуться прямо в гостиную, не утомляя себя и не смущая других нудной церемонией переодевания.

На выходе из гостиной мне встретился седоватый человек с круглыми глазами цвета незабудок, досадливо мявший в руках букетик поздних цветов – наш церковник.

– Доброе утро, отец Оврамий!

Представитель церкви остановился, похлопал глазами, как бы припоминая, кто я такая:

– А, леди Николетта, вы уже вернулись! Очень рад, не забывайте наведываться в церковь. Ваш брат Ивар, кстати, делает успехи: никогда еще не было у меня такого прилежного ученика.

Еще бы! Я, конечно, не умаляю достоинств своего брата, но, к слову: до Ивара у священнослужителя и вовсе не было учеников.

– Снова неудача? – сочувственно спросила я, бросив взгляд на погибающие в стиснутом кулачке церковника цветы.

– Снова, – подтвердил бедняга на редкость оптимистично. Дело в том, что с тех пор, как моей подруге Алисии минуло шестнадцать, отец Оврамий с периодичностью один раз в четыре месяца делал ей предложение руки и сердца, будто подозревал, что, для того чтобы предложение было принято, нужно лишь счастливое совпадение внешних обстоятельств, а не ответное чувство.

– Ну, может быть, в другой раз: солнце будет ярче, небо голубее, – не удержалась я от того, чтобы не поддеть соседа.

– Да-да, вы правы, наверное, все дело в этой хмурой погоде, – не понял шутки церковник. – Она была не в настроении из-за дождя.

...и неурожая брюквы в этом году. Пришлось прикрыть рукой улыбку. Просто поразительно, насколько ветреными порой считают мужчины своих избранниц.

Мы раскланялись.

Так, домик при церкви можно вычеркнуть из списка мест, которые необходимо посетить, – все складывалось довольно удачно. Я наконец вошла в гостиную.

Вопреки сетованиям незадачливого жениха Алисия была в самом прекрасном расположении духа и, едва я появилась на пороге, бросилась меня обнимать:

– Николетта, как ты выросла и изменилась!

– И похудела, – недовольно заметила ее мать, приветствуя меня кивком головы.

– Я слышала, ты при дворе не скучала, – лукаво сказала подруга, усаживая меня на диван.

– Алисия, никогда не повторяй чужих сплетен! – ласково оборвала ее леди Карин.

– Да, мама. – Плутовка показала мне глазами, что оставляет этот разговор на потом.

– А я смотрю, поток женихов не убывает.

– Да это просто проклятье какое-то! – бросила девушка в сердцах.

Всем бы такие проклятья, как кукольная внешность и десять тысяч ладов приданого – результатом станут предложения связать себя узами брака от каждого второго мужчины округи. Я из приданого могу похвастать только вышитым под руководством няни комплектом постельного белья. В то время матушка не уставала восхищаться, насколько плотоядными выходят розы на нем. Еще бы! Этот комплект стоил мне десяти исколотых пальцев, а няне – седины в голове! На данном эпизоде с подготовкой моего приданого было покончено. Единогласно.

– Надеюсь, никто из моих братьев к тебе еще не сватался?

– Пока нет.

– Меня пугает это «пока».

– Николетта, скажи им, чтобы даже не помышляли, Алисия будет вынуждена отказать, – снова вмешалась леди Карин.

– Думаю, влюбленному юноше мои советы окажутся еще более безразличными, чем всем остальным. – Я решила перепрыгнуть с опасной темы на еще более скользкую и снова обратилась к подруге: – Но чем же тебе не угодили все наши женихи? Каким должен быть твой избранник?

Алисия задумалась, словно ей предложили сложную задачу по арифметике:

– Добрым.

Я улыбнулась. Ее мать откровенно рассмеялась:

– Добрым?! Дочка, побойся богов! Добрые мужчины добры ко всем. И к другим женщинам тоже!

– Ну хорошо. – Алисия, пунцовая от досады, решительно повернулась ко мне: – А что, по-твоему, должно быть в мужчине?

– Ум.

– Вот, дитя: Николетта младше тебя на год, но рассуждает не в пример разумнее. Умный муж не только не промотает свое состояние, но еще и приумножит его. Если бы у господина Клауса был титул хотя бы младшего лорда, я бы с удовольствием позволила ему просить твоей руки.

– Не думаю, что он поспешит воспользоваться этим позволением, мама. Снова ты со своими меркантильными мыслями.

– Ну не могу же я руководствоваться твоими романтическими! Кто-то в этом доме должен сохранять трезвую голову.

Леди Карин, найдя для своей старшей дочери блестящую партию в виде знатного греладского банкира, с оправданной прозорливостью рассчитывала конвертировать красоту младшей как минимум в титул старшего лорда.

Я решила в очередной раз повернуть потекшую по опасному руслу дискуссию:

– А кто такой господин Клаус?

– Господин Клаус – фабрикант. Ах да, он же появился у нас только два года назад, когда ты уехала. Арендовал у города тот ужасный кусок земли со складами около главной дороги и поставил завод. Кажется, производит то ли косметические средства, то ли лекарства. Но я точно не знаю, потому что мы такими товарами никогда не пользуемся. Многие фермеры заключили с ним договоры на поставку мари.

– На поставку чего? – переспросила я.

– Сиреневой мари – трава травой, высокие такие метелки, я не вникала, что это. Но разве твоя матушка не заключила договор на ее выращивание?

– Я ничего не знаю об этом, и потом, мы же обеспечиваем продовольствием казармы третьего полка.

– Вот видишь, мама, ты же сама говорила не повторять чужих сплетен.

– А разве третий полк не стал закупать продукты на севере?

– Не может этого быть, – легко отмахнулась я. – Там одна транспортировка будет стоить больше, чем сам груз. И что же, Алисия, этот фабрикант не проявил к тебе совсем никакого интереса?

– На мой взгляд, он вообще презирает женщин.

– Еще бы, – фыркнула леди Карин, – постоянно имея рядом с собой такие образцы женской натуры, как его сестры.

– Николетта, ты скоро сможешь их увидеть. Через несколько дней в Кладезе будет осенний бал.

– Если только уговорю одного из братьев вывезти меня туда.

Посещение остальных соседей оказалось менее приятным и неизмеримо более нудным. Каждый – от жены предводителя общественного собрания Кладезя, который также не поленился захватить должность мэра города, до старой вдовы, троюродной тетушки моего отца – с неизменным интересом спрашивал, чем я занималась при дворе. Но, не дождавшись сенсаций, все начинали демонстрировать свои нововведения и приобретения за последние два года. Не зная, каким эпитетом наградить очередную мебельную обивку и при этом не повториться, как избавиться от запаха хлева после осмотра отелившейся буренки и проявить должное сочувствие к падению цен на хмель и росту их же на пиво – я была просто счастлива, когда из намеченной на сегодня программы остались только «Дубки», имение лорда Гордия.

Около парадного входа дежурил продрогший лакей. Вокруг его высокой форменной шапки нарезал круги припозднившийся шмель, и слуга попеременно то провожал жужжащего глазами, то чихал, пугая резким звуком.

– Добрый день! Передайте, пожалуйста, леди Раде, что леди Николетта заходила поблагодарить ее за приветствие. – Я протянула карточку с краткой запиской на обратной стороне.

– Что вам здесь надо, милочка? – раздался скрипучий голос за моей спиной.

Я медленно обернулась и попыталась ответить как можно более вежливо, несмотря на то, что противное слово «милочка» застряло в ушах:

– Доброе утро, леди Рада. Я хотела нанести вам визит в благодарность за любезную приветственную записку.

Передо мной стояла крепкая пожилая дама лет шестидесяти с вытянутым, как у гончей, лицом под тщательно уложенными буклями парика. Ее облик можно было бы назвать благородным, если бы на этом лице не отражалось вечное недовольство. Угрозило же меня столкнуться с ней прямо перед домом.

– Все толкуют о каких-то визитах, но я в своем доме еще не видела ни одного посетителя. Думаете, мне интересно читать ваши карточки? Да будет вам известно, я не терплю титулопоклонства! – Рот женщины скривился, и мне показалось, что кончики губ вот-вот коснутся выпирающего подбородка. – Проходите в дом. Выпейте со мной чаю.

Это была не просьба, это был приказ. Нет, зря леди Рада думала, что гости к ней не ходят из-за слишком высокого титула, зря. Покорная своей судьбе, я вошла в дом и под изумленными взглядами лакея и хозяйки сняла в холле сапоги.

– Не думала, что при дворе тоже страдают этой вульгарной модой, – не преминула заметить леди Рада.

– При дворе нет, но, заранее прошу прощения за грубость, мы сейчас не при дворе. Так что лучше вульгарно снять сапоги у входа, чем не менее вульгарно тащить грязь в вашу гостиную, – ответила я, балансируя на грани дозволенного.

На первый раз шутка сошла с рук, что немного меня приободрило.

Дом и снаружи казался немаленьким, а внутри так и вовсе подавлял высотой голых стен. В дальнем конце холла даже высились две или три колонны. С правой стороны висели портреты родовитых предков, выписанные с такими подробностями и достоверностью, что казалось, одна из дам на картине вот-вот положит свой пышный воротник вам на плечи, а грустный мужчина с трубкой обернется и не менее грустно попросит стереть пыль с его усов, которые из-за нее кажутся седыми. Я улыбнулась.

– Вы находите моего деда смешным? – тут же последовал угрожающий вопрос хозяйки дома. Казалось, даже сам дед на портрете вздрогнул от ее тона.

– Мне просто пришло в голову, что ему не понравились бы седые от пыли усы.

– Леди Николетта, если вы отвечали за уборку пыли при дворе, это не значит, что у вас есть право делать замечания в других домах.

Вот так вот, сказала не подумав – получай. Мысленно я отправила свое красноречие в дальний угол и на всякий случай придавила парой-тройкой правил приличия, после чего решила давать только односложные вежливые ответы.

– Простите, я не имела в виду ничего плохого.

– Еще бы. Боги при рождении дали мне слишком много доброты, и все этим пользуются.

Следуя за леди Радой, я даже прикрыла рот ладонью, чтобы из него не зачирикала какая-нибудь новая неуместная мысль.

Мы вошли в одну из малых гостиных – малыши в этом доме они называлась несмотря на то, что по площади соответствовали половине нашего скромного жилища.

– Садитесь, леди Николетта. Нет, не сюда, вот на это кресло. Не трогайте подушку: ее вышила моя сестра, и она дорога мне как память. И не смотрите на

этот фикус: он чахнет от слишком пристального внимания. Не расправляйте юбки так сильно: у меня новая служанка, она может на них наступить.

Я замерла на краешке кресла в неестественной позе, боясь пошевелиться. Вдруг наступлю на любимую плитку двоюродного деда хозяйки или, не дай боги, чихну на фамильного паука.

– Расслабьтесь, милочка, расслабьтесь. Мы люди хоть и титулованные, но простые в обращении. Чувствуйте себя как дома. – Хозяйка с прямой как палка спиной села в кресло напротив.

Я поскорее отвела глаза, понимая, что сейчас в них отражается все, что угодно, только не любезность и хорошие манеры. Как назло, тут же наткнулась взглядом на мнительный фикус, который не упустил случая уронить на пол пожелтевший лист.

Слуги принесли чайный сервиз и очень скромный набор закусок.

– Чем же вы, милочка, занимались при дворе, если о вас по округе сейчас ходит столько нелецеприятных слухов?

Началось!

– Уверяю вас, ничем таким, что могло бы дать для них почву. Что же обо мне говорят? – Я откусила печенье так, чтобы хруст выразил все мое неудовольствие. Это очень тонкое искусство – с неудовольствием откусывать вкусное печенье.

Либо хозяйка сейчас будет вынуждена пересказать мне все слухи (кстати, я заодно узнаю об их содержании), либо ей придется закрыть неприятную тему в нашем разговоре.

– Не думаю, что прилично повторять их в этой гостиной. – Леди Рада тоже откусила от печенья, давая понять, что и она не дилетант в искусстве недовольного поглощения выпечки.

– Тогда давайте не будем вести неприличных для хорошего общества разговоров. – Я довольно решительно поставила точку в этом обмене

любезностями.

– А вы смелая девица, леди... э...

– Николетта, – пришлось подсказать со вздохом.

В этот момент распахнулась дверь, и в гостиную вошел молодой человек в темном сюртуке доктора с новехоньким саквояжем в руках. Леди Рада тут же поднялась с места:

– Ну как он?

– Никакой угрозы для жизни нет, – жизнерадостно ответил вошедший, – разве что небольшая меланхолия.

– Но ведь меланхолия – это опасно?

Врач оглядел хозяйку и комнату сверкающим счастьем взглядом и подтвердил:

– В вашем положении – крайне опасно.

– Что же делать, доктор?

– Могу прописать только физические нагрузки, долгие моционы и обязательно – хорошее разнообразное общество.

– Нет-нет, нагрузки категорически исключены. – Леди Рада вдруг вернулась к своему властному тону. – У моего сына хрупкое сложение. И долгие прогулки ему тоже противопоказаны: сейчас же осень, он обязательно схватит простуду.

– Тогда он так и останется хрупким до конца жизни, – осторожно заметил врач.

– Нет, сэр Мэверин, я решительно вам заявляю, что хорошего общества моему сыну будет достаточно. Вы ведь считаете меня хорошим обществом? – И, не дав собеседнику даже шанса ответить на скользкий вопрос, эта поразительная женщина скомандовала: – Присядьте. Выпейте с нами чаю.

– Извините, но я не имею чести быть представленным вашей гостье, – повернулся ко мне врач.

– Это леди... эм... душечка, напомните мне...

– Николетта, – обреченно сказала я.

– Да, правильно, Николетта – дочь сэра Эдварда, владельца «Желтых полей». А это сэр Мэверин – наш новый доктор.

– Кажется, две недели назад я зашивал боевые раны одному из ваших братьев. – Сэр Мэверин поклонился мне и только после этого сел.

Бьюсь об заклад, что это был Ефим, опять что-то не поделивший с деревенскими.

– Я постоянно напоминала леди Иветте, что она должна лучше смотреть за своими детьми. Берите пример с меня: я всегда знаю, где мой сын и чем он занят.

– Возможно, будь у вас их восемь, вы бы не были столь уверены, – не удержалась я, крайне раздраженная подобными разговорами о моей семье.

– Но, скорее всего, это сказывается разница в положении и воспитании, – похоже, мой комментарий полностью проигнорировали. – Милочка, положите назад печенье: это уже второе, а девицы в вашем возрасте должны сохранять стройность талии. Доктор, не правда ли, ямочки на щеках просто неприличны для дочери младшего лорда, и моей гостье стоит следить за своим питанием?

Сэр Мэверин стремительно дожевывал свое печенье:

– Думаю, что леди Николетта не властна над своими ямочками, и их появление не является следствием употребления печенья.

– Нет, но все же ей следует быть осторожной. Сегодня ямочки, а завтра что? У нее появится родинка над губой? Ни одна девушка такого не переживет – это слишком вульгарно.

После такой тирады растерялся даже доктор. Ну все, довольно фарса! Иначе весь запас иронии, отпущенный мне до конца жизни, останется в этой гостиной – ибо без иронии переносить светскую беседу милой соседки оказалось совершенно невозможно. Я решительно поставила свою чашку на столик:

– Леди Рада, как бы ни было хорошо у вас в гостях, но, думаю, мне пора. Время близится к обеду, а поучительная беседа с вами напомнила мне о долге перед младшими братьями.

Фух! Мне удалось похоронить свой сарказм под пластами вежливых оборотов, и хозяйка, не обладающая даже малой долей такта, ничего не заметит.

– Ну что ж, идите, вы и впрямь засиделись. Но с этого момента, движимая состраданием и добротой, которые велит проявлять церковь и о которых, к сожалению, так часто забывают люди низшего происхождения, я буду живо интересоваться вашей судьбой. И вы не слишком погрешите, если в каком-нибудь разговоре упомянете меня как свою покровительницу. – Леди Рада торжественно закончила свою речь и сложила сухие жилистые руки на животе, ожидая благодарности.

Но благодарность никак не желала изливаться из моего рта – я опешила. Мир сошел с ума! По крайней мере, в этой конкретной гостиной точно витал нездоровый дух. Я покосилась на доктора, но тот умело прикрывал свою полуулыбку чашкой чая.

Так, Николетта, еще немного, возьми себя в руки всего на пять минут, и ты сможешь уйти отсюда без скандала.

– Благодарю вас, – выдавила я и тут же захлопнула рот, чтобы остановить все те слова, которые желали вылететь вслед за короткой фразой.

За пределами поместья лорда Гордия воздух показался каким-то особенно свежим и сладким. Я прошла через витые ворота и, убедившись, что за мной не наблюдает привратник, с удовольствием потянулась, выполнила несколько наклонов в стороны, при виде которых несказанно обрадовался бы физкультурник сельской школы, зато леди Рада до конца жизни заклеила бы меня позором.

– Правильно, леди Николетта, мышцам спины необходима небольшая растяжка после долгого сидения в мрачных гостиных. – Голос, прозвучавший за спиной, заставил меня едва ли не выпрыгнуть из своих практичных сапог.

Я испуганно обернулась и увидела на дороге доктора. Видимо, и ему посчастливилось вырваться из цепких лап хозяйки.

– Не волнуйтесь, я никому об этом не расскажу, – он тоже вытянул руки вверх, чему очень мешал саквояж, и в точности повторил мои движения. – Как же я устал!

– Должно быть, тяжело работать доктором с такими пациентами, – улыбнулась я.

– Не поверите, но пациенты везде одинаковы. Просто я очень ленив. Ленив настолько, что мне даже лень вам об этом рассказывать.

Кажется, он гордился своей ленью настолько, что с готовностью делал ее предметом занимательных шуток.

– Я думаю, если бы вы были так ленивы, как об этом говорите, то никогда не стали бы доктором. – Мы вместе пошли по дороге от Дубков.

– Как раз наоборот: именно поэтому я и стал доктором, а не адвокатом, к примеру. Адвокату приходится сначала бегать искать себе клиентов, потом бегать за этими клиентами и угождать им. Пациенты же находят меня сами. – Сэр Мэверин откинул светлые волосы со лба, немножечко красуясь, но, пожалуй, молодому человеку с такой приятной внешностью это было простительно.

– Но изучить медицину не в пример сложнее, – радуясь новому занимательному знакомому, я ответила комплиментом.

– С чего вы взяли? Поверьте мне: в своих болезнях люди гораздо менее изобретательны, чем в судебных исках. К тому же пациент намного спокойнее воспринимает весть о том, что после долгого лечения не удалось победить тот или иной недуг, чем сообщение о проигранной тяжбе по ценному имуществу, поступившее от адвоката. Никто и никогда еще не требовал, чтобы я вернул деньги за лечение.

Врачебный юмор доктора был слегка циничен, но не настолько, чтобы прерывать беседу. Тем более что пока наши дороги по счастливой случайности совпадали.

– И что же, ни один пациент в округе не доставляет вам хлопот?

– Ну если исключить матушку лорда Гордия, – подмигнул мне спутник, – то у вас есть совершенно замечательный мясник по имени Миш, обладающий интригующими познаниями о законах общества.

Меня удивила такая характеристика, хотя заговорила я совершенно о другом:

– Насколько я помню, господин Миш всегда славился отменным здоровьем.

– Не сомневаюсь. Зато его дочери не повезло схватить простуду. Извините, что говорю вам об этом, но, кажется, еще никто и никогда не делал из простуды врачебной тайны. Так вот, я как врач должен был прослушать ее легкие, чтобы убедиться, что нет более серьезной опасности, а эта процедура, сами понимаете, всегда ставит дам в несколько щекотливое положение. Каково же было мое удивление, когда на выходе из комнаты больной я нос к носу столкнулся с господином Мишем и его рабочим тесаком! Оба потребовали от меня жениться на пациентке после такого осмотра!

– Прямо-таки оба? – засмеялась я.

– Вы себе и представить не можете, насколько требовательным может быть тесак, приставленный к носу! – с притворной обидой воскликнул мой собеседник, но ему явно понравилось, что я нашла его рассказ забавным.

– И как же вы спаслись?

– Бегством. По счастью, мясника отвлек клиент. – Сэр Мэверин посмотрел на меня с такой бравадой, словно рассказывал о том, как обезвредил противника, а затем без какого-либо перехода воскликнул: – О боги, какая тут грязь! Позвольте помочь вам перебраться через это море.

– Не стоит. – Я приподняла подол и, продемонстрировав ему сапоги, спокойно перешла на другой «берег».

– Леди Николетта, вы даже не догадываетесь, с какой жестокостью практичные девушки лишают джентльменов простых житейских радостей. – Доктор весело прыгал за мной через лужу, поднимая настоящие фонтаны брызг.

– Ну нельзя же быть уверенной, что около каждой лужи будет стоять по джентльмену, – со смехом ответила я.

Преодолев водное препятствие, мой спутник остановился и с любопытством поглядел из-под тонких стеклышек очков:

– К сожалению, здесь наши дороги расходятся: меня ждет очередной пациент.

– И кто же это, если не секрет?

– Дочь того самого мясника. Не могу же я оставить больную. – Доктор лукаво мне улыбнулся.

– Как же вы собираетесь объясняться с ее отцом?

– Скажу, что если бы после каждого осмотра был вынужден жениться, то сейчас уже собрал бы изрядный гарем – а это запрещено законом, даже для докторов. Вот ведь странно: лечение, простите, геморроя – занятие более интимное, но еще ни один пациент из-за него не строил на меня matrimониальных планов. – Он сделал шаг в сторону города и жизнерадостно махнул мне рукой. – До свиданья, леди Николетта! Если не увидите меня на осеннем балу – знайте, что моя жизнь принесена в жертву на благо мадицины!

Дома я сразу же, в передней, столкнулась с Ефимом – братец шибко торопился.

– Ты куда это собрался такой напوماженный?

– Значит, тебе можно ходить по соседям, а мне нет? – радостно откликнулся он на ходу, словно ничто на свете не могло его остановить.

И ведь дома тоже не запрешь. Надо было бы отдать его в какую-нибудь академию, но, к сожалению, туда брали только с восемнадцати лет, да и Ефим рвением к учебе не отличался. Чужало мое сердце, что однажды на пороге нашего дома окажется разгневанный отец какой-нибудь селянки или еще хуже – сама эта селянка с пищащим свертком на руках. Надо будет подумать на досуге, чем занять нашего ценителя женского пола.

Я поднялась в свою комнату с наивной надеждой отдохнуть перед обедом, но, как оказалось, пока я ходила по гостям, ко мне тоже нагрянул неожиданный визитер: окно было открыто, занавеска виновато трепетала на ветру, а на подушках кровати важно восседала пестрая несушка. Не зная, как реагировать на такое вторжение, я вошла в комнату, пытаюсь оценить масштабы бедствия. Бардак, который постоянно царил у меня на туалетном столике, переместился на пол, где клубком катались куриные перья. Несушке явно не понравился один из не до конца распакованных чемоданов, о чем она оставила весьма недвусмысленное сообщение на его крышке. Но в целом все оказалось не так ужасно, как могло бы быть.

Осторожно, на цыпочках, я подошла к кровати, делая вид, что не замышляю ничего серьезного, а когда до цели осталось всего несколько шагов, резко прыгнула, пытаюсь схватить незваную гостью. Судя по результатам, действие изначально было ошибочным. То ли мне не хватало резвости, то ли курица специально дожидалась нужного момента, но птица выпорхнула из рук буквально за секунду до того, как сжались пальцы. От неожиданности я повалилась на кровать и почувствовала, как подо мной с хрустом ломается нечто хрупкое, а затем какая-то липкая гадость заливается за корсаж. Несушка! Чтоб домовым сегодня икалось!

Ничего, спокойно, яичные маски очень полезны для кожи. Будем считать, что для зоны декольте они полезны вдвойне, особенно со скорлупой. Завтра в разговоре с Алисией небрежно брошу фразу о том, какое это чудо – желтковая маска и как жаль, что многие леди ленятся следить за своей красотой.

Подняв голову от покрывала, первым делом я увидела пернатую грудку и желтый клюв. Тихо... Левая-то рука у меня свободна, а цель так беспечна и близка. Но стоило дернуться, как курица с возмущенным кудахтаньем взлетела вверх, запуталась в газовой ткани полога, и вскоре оттуда на меня посыпались перья вместе с самим пологом, креплением от него (которое, по счастью, состояло из легких реек) и пластами штукатурки с потолка. Должна признаться,

что до этого момента значительно недооценивала всех прелестей сельской жизни.

Через пять минут благодаря упорству и несгибаемой силе духа (моей, конечно же моей!) птица все же оказалась у меня в руках, хотя гордость и радость несколько померкли, когда я увидела свое отражение в зеркале, а заодно и отражение всей комнаты. Пещерный человек, обряженный в современное платье, наверное, выглядел бы краше и уж наверняка интеллигентнее, а комната даже во время ремонта смотрелась бы гораздо более прибранной. Мне не терпелось вытащить из волос все перья, но я боялась даже пошевелить руками, в которых притихла курица. Сначала требовалось выгнать хулиганку.

Я подошла к открытому окну и выглянула на улицу. Второй этаж – это вам не шутки. Никто не убедит меня, что эта толстушка летает не хуже орла. Поэтому после секундного размышления пришлось отказаться от мысли выбросить курицу прямо из окна – если разобьется, муки совести потом не дадут мне заснуть.

Позвать служанку?

Дверь в комнату оказалась закрыта, а для того, чтобы ее открыть, нужна была как минимум одна рука.

Я высунулась из окна по пояс и огляделась в поисках кого-нибудь из домашних. Селянин, увидевший эту картину с дороги, споткнулся и поспешно сотворил охранный круг. Знаю, в такие моменты мое очарование не знает границ. Пусть. Кто же подумает, что это хозяйская дочка?

Завидев молоденькую служанку, я откашлялась и крикнула:

– Лика!!

От окрика девушка вздрогнула, затем подняла на меня глаза и вздрогнула еще раз.

– Поднимись ко мне в комнату, пожалуйста, – очень вежливо, с достоинством, попросила я. А что? Мне же по титулу положено оставаться леди в любой

ситуации.

Обстановка за обедом напоминала сцену из тех плохеньких детективов, которые никогда не задерживаются в домашних библиотеках. В отсутствие родителей я заняла место во главе стола, чтобы иметь возможность надзирать за братьями, ну и еще, конечно, потому что мне до сих пор мерещился легкий куриный аромат. Если запах не мнимый – насмешек не оберешься. Не осталось никаких сомнений в том, что курица попала ко мне в комнату не случайно. Да и убийца, тьфу, виновный находился в этой столовой, господа!

И я почти была уверена, что знаю, кто это. Но получить доказательства все же считала не лишним.

Итак, начнем по порядку. Николас – старший среди братьев. Все зовут его Ласом. Дело в том, что в дни своей молодости наши родители наивно мечтали ограничиться всего двумя детьми. Поэтому имена Николетта и Николас представлялись им верхом изобретательности. Со временем, когда семья росла и не думала останавливаться, такие имена старших детей стали казаться как минимум странными. Звать меня Леттой у родителей не вышло, потому что к тому моменту я уже проявляла твердость (если не сказать упертость) характера, зато Лас безропотно сносил такое сокращенное обращение. Эта его безропотность порой выводила меня из себя. Он делал то, что ему говорили, но никогда ничего не предлагал сам. Так что кандидатура старшего из братьев не подходила даже на место сообщника злосчастной курицы, не то что на роль злоумышленника-организатора.

С Иваром вы уже познакомились – этот скорее будет проповедовать куриным яйцам, чем нарушит заповеди церкви ради шутки над сестрой.

Ефим, как ни странно, тоже появился на обеде, причем с самым мрачным видом. Наверное, зазноба прогнала: сейчас время уборки урожая, и даже у самой кокетливой дочки земледельца нет ни одной свободной секунды, чтобы миловаться с праздным хозяйским сыном. Прodelки с курицей ему определено были под силу и по характеру. Не хватало только мотива.

Следующий по возрасту Михей – вечный человек-поиск. Что он искал? Ну не знаю, наверное, смысл жизни или призвание, во всяком случае, что-то

масштабное. А пока он этого масштабного не нашел, с какой-то маниакальностью копировал с других их увлечения и характеры. Один день он мог корпеть над святыми книгами с Иваром, на следующий под уговоры Ефима бежал в село прыгать с селянками через костер, а потом зависал в кабинете приказчика, решив попробовать себя в сельском хозяйстве. Михеем были испробованы десятки профессий, но все они, от самых распространенных до крайне экзотических для сына младшего лорда (вроде трубочиста) – в результате оказались отвергнуты. В общем, Михей мог запустить ко мне курицу только в том случае, если его науськал кто-то другой.

Оська – мой фаворит в этой гонке. Я с подозрением глядела, как он орудовал ложкой, но на лице сорванца не проскочило ни одной эмоции, способной оправдать мои подозрения. Держать себя в руках – первый признак высококлассного хулигана. Уж поверьте мне – я в проказах знаю толк.

Предпоследнего из моих братьев и самого младшего из присутствующих сейчас за столом назвали в честь древнего поэта и барда Еремом, и, вероятно, в качестве протеста против такого имени или в насмешку над ним мальчишка отказывался разговаривать со своей семьей. Нет, мы знали, что в свои шесть лет он умел говорить и даже читать, а уж числа в уме складывал с такой быстротой, что ставил в тупик нанятого учителя, но вот общаться с нами гений не желал – полагал, что это ниже его достоинства. Правда иногда, в особенно напряженные или абсурдные моменты, ронял короткие фразы, но такие, что лучше бы и дальше молчал. Старшие братья утверждали, будто этот ребенок просто считает родственников недостаточно развитыми для того, чтобы с нами разговаривать.

Ерем поймал на себе мой изучающий взгляд и впервые за несколько дней удостоил домашних своим словом:

– Ешь – остынет.

Я смущенно закашлялась и принялась за еду. Похоже, теряю позиции старшинства.

Все шестеро молчали, как будто и не догадывались о происшествии перед обедом. Стучали ложки. Оська так хлюпал, поглощая свой суп, словно его до этого не кормили как минимум месяц. Ивар бормотал себе что-то под нос в перерывах между пережевыванием пищи. Старая нянька вообще задремала в

своем углу. Тишина стояла такая, что слышно было, как урчит в животе у слуги. Неужели им нечего мне рассказать и нечего спросить после такой долгой разлуки? Будем долбить этот лед отчуждения:

– Лас, ты отвезешь меня на осенний бал?

– Я думал, ты и носа из дома не высунешь, – вклинился Ефим, поборовший наконец свою хмурость.

– Это еще почему?

– Ты же прошлась по соседям, теперь знаешь, что за слухи о тебе ходят в округе.

– Да что за слухи-то?! – Я опустила ложку на стол с такой силой, что все шестеро подпрыгнули.

– Ефим, не потворствуй злу в этом мире, – затянул Ивар. – Репутация женщины так хрупка, что каждое неосторожное слово...

– Занудство тоже зло, – уже второй раз за день буркнул Ерем и снова углубился в свой суп. Проснулась старая нянька и заботливо вытерла малышу испачканную в сметане щеку.

Ивар замолк.

– Кто-нибудь расскажет наконец, что за сплетни распускают обо мне в округе?

Ответом было еще более выразительное молчание, чем то, с которым я решила бороться до начала разговора. Не удивлюсь, если скоро при встрече со мной соседи начнут переходить на другую сторону дороги.

– Я с удовольствием отвез бы тебя на осенний бал, но теперь, после отъезда матушки, у нас нет экипажа, – сказал добродушный Лас, видимо почувствовав, что обстановка становится для меня крайне неудобной.

– Мы же недавно купили еще один экипаж, – оживленно откликнулся Оська.

– Он не покрашен.

– А зачем его красить, он и так в хорошем состоянии? – Оптимизм и энтузиазм хулигана были крайне и крайне подозрительными.

И поскольку на эту его фразу старшие братья ответили молчанием, я уже по выработавшейся привычке сразу после обеда пошла в сарай – проверить, как на самом деле обстоят дела.

Начнем с хороших новостей. Экипаж там действительно стоял – этот факт уже сам по себе оказался достаточно отрядным. Более того, карета была на четырех колесах, не разваливалась от времени и даже (о ужас!) вполне прилично выглядела. Не знаю, с чего Лас вдруг решил, что тут нужна покраска. Черный лак даже по углам еще не успел облупиться.

Я начала обходить имущество по кругу и, достигнув правой дверцы, наконец столкнулась с суровой реальностью. С этой стороны на черном боку красовались яркие золотые буквы «Тимофей и сыновья. Бюро ритуальных услуг», а ниже, помельче, серебряные «Легкий путь на небо». Вот вам яркий пример беспринципной изворотливости моей маменьки: данный экипаж наверняка куплен по до смешного низкой цене.

Значит, не нужно перекрашивать, да? В страшном сне не могло привидеться, чтобы приехать в такой карете на бал да даже просто проехаться по окрестностям.

Около входа кто-то захихикал. Я обернулась и конечно же увидела брызжущие радостью глаза Оськи.

– Доиграешься! Вместе поедem на этом чудном экипаже – будешь знать, – пригрозила я.

– А что тебе не нравится? Вещь в хорошем состоянии. – Мальчишка приблизился ко мне. – Мама так и сказала, когда Ефим вздумал ей возражать.

Насмешник повернулся ко мне спиной, чтобы продемонстрировать, что дверцы экипажа открываются без скрипа. Тут-то я и заметила маленькое пестрое

куриное перышко, которое застряло у него в волосах на затылке.

Эх, Оська, Оська, не с той связался. Ты маленький и конечно же не помнишь, кто десять лет назад слыл главным возмутителем спокойствия в округе, а проказы этого возмутителя были иногда настолько великолепны, что обсуждались потом в каждой гостиной. Дамы посмеивались и говорили: «Какой прелестный ребенок, такая сообразительность». Нет, сама я лично никогда ничего подобного не слышала. Но надеюсь, они говорили именно так, а не сочувствовали моей матушке, вздыхая, что ей приходится воспитывать ужасную егозу. Ладно, не буду отвлекаться, а то еще не успею.

Я порылась в одном из нераспакованных чемоданов и извлекла изящную бутылочку с длинным горлышком, обернутую для сохранности в несколько слоев бумаги. Откупорила и тут же перелила половину содержимого в вазочку для цветов на прикроватном столике. Да простит меня столичный парфюмер.

Так, теперь экспедиция на кухню: надеюсь, там окажется то, что мне надо. Я долго стояла перед открытым сервантом, мучимая нелегким выбором между вареньем из жимолости и смородиновым сиропом. Потом все же решила, что ягоды будут выглядеть подозрительно, и выбрала сироп. Открыла банку и с помощью воронки перелила больше трети ее содержимого в свою бутылку, а затем хорошенько взболтала, чтобы жидкости внутри перемешались. Понюхала – сойдет. Вареньем, конечно, отдает, но не так чтобы слишком.

Последний решающий этап: прокрасться в общую ванну и поставить бутылку на видное место. Никогда еще так не радовалась тому, что размер комнат в нашем доме не позволяет каждому принимать водные процедуры у себя и поэтому для них отвели отдельный чуланчик. Но хоть раз это неудобство должно было сослужить мне службу.

На пороге я неожиданно столкнулась с Оськой, но вовремя собралась с мыслями.

– Смотри у меня, – погрозила пальцем. – Не вздумай лить мою пену от столичного парфюмера в свою ванну, я, между прочим, отдала за нее целый лад.

Оська сделал большие невинные глаза и проскользнул мимо меня внутрь.

И ведь нальет. И немало нальет, потому что разбавленная вдвое пена будет плохо пениться. Я села на подоконник в коридоре и стала ждать окончания его купания. Ждать придется долго: Оська у нас как лягушонок, силком из воды не вытащишь, но ради такого торжества я подожду.

Через полчаса за дверью послышались возмущенные восклицания, и я поняла, что мои труды увенчались успехом. Еще через пять минут наружу выскочил наспех одетый Оська и, увидев меня, сразу закричал:

– Как ты могла?! Это нечестно! – Он указывал на меня пальцем в сине-сиреневых разводах и смешно корчил такую же сине-сиреневую мордочку. – Даже больше тебе скажу, это... это... это подло! Вот!

Эх, не думала, что он в воду вместе с лицом погружаться будет. Но, судя по всему, смородина у нас уродилась на славу.

– А запустить курицу ко мне в комнату – это, значит, милый комплимент сестре? – спокойно спросила я.

– Какую еще курицу? С чего ты взяла, что это я?

– От перьев надо было лучше почиститься.

Он на секунду замолк, затем поморщился и снова осмотрел свою приобретенную новую окраску:

– Как же я на улицу выйду?

– У меня есть мыло, которое сможет это отмыть. – Придворные дамы «шутили» над своими соперницами так, что мне с моим сиропом впору быть канонизированной, но, к счастью, в ближайшей к дворцу дешевой лавке бакалейщика продавалось ядреное мыло, способное справиться не только с ягодным соком, но и с синькой.

Оська с надеждой поднял на меня свои невыносимо выразительные глаза.

– Я тебе его дам, если ты мне пообещаешь слушаться...

– Обещаю! – поспешно крикнул он.

– ...и в наказание за курицу закрасишь надпись на дверце нового экипажа, – продолжила я.

– Угу, угу, где мыло-то? – Мальчишка в нетерпении подергал меня за рукав.

Вы бы поверили? Я – нет, но мыло все же отдала. Прилагательное «ядренное» использовалось к нему не для красного словца – этот химический брусочек драл кожу так, что умываться им можно было только в очень сложных обстоятельствах и под беспрестанное оханье. Откуда я это знала? Ой и не спрашивайте.

Я уже собиралась потушить свечу и лечь в постель, когда из коридора слышались подозрительные шорохи и звуки. Если это снова чудит кто-то из братьев – выставлю из дома! Ночь, проведенная на конюшне, заставит хулигана ценить тепло, а заодно меблированность и приятный запах родного жилища. Я осторожно приоткрыла дверь: на другой стороне коридора так же неожиданно приоткрылась противоположная дверь, и в проеме показалось пятнистое лицо, подсвеченное снизу пламенем свечи. От неожиданности мне примерещилось невесть что, и я отпрыгнула от двери, прижимая свободную руку к позорно колотящемуся сердцу. К счастью, разум тут же оценил ситуацию и взял бразды правления:

– Оська, ты чего не спишь? Опять очередную пакость затеял? Ты бы краску для начала с лица как следует свел, а то нянька завтра по утру увидит, начнет рыбьим жиром отпаивать.

Пятнистая физиономия перекосилась в гримасе отвращения:

– Да не пакошу я, больно надо. Пока отмывался, Ерем куда-то пропал.

Вот это уже нехорошо: каким бы смышленным ни был младшенький, никто еще не отменял нашего долга приглядывать за ним.

– Пойдем внизу посмотрим, может, он на кухню залез, – предположила я.

– В отличие от некоторых Ерем не имеет привычки уничтожать запасы колбасы по ночам.

– Так, может, как некоторые, хомячит варенье прямо из банки.

Несколько секунд мы поперебрасывались призывающими к дальнейшей словесной дуэли взглядами, но потом как-то вместе решили, что в данной ситуации это глупо, и, скрипя половицами, двинулись вниз.

Ерем обнаружился на первом этаже, причем в непосредственной близости от кухни.

– Эй, малыш, ты почему не в постели? – попробовала я окликнуть его, но ребенок даже не повернулся, а продолжал двигаться через коридор.

Оська обогнал меня, схватил брата за плечо, а затем с удивлением произнес:

– Да он спит! Мой брат – лунатик!

Действительно, глаза Ерема оказались закрыты, но он все еще пытался куда-то идти, игнорируя тот факт, что его держали за плечи.

– Ты чему-то удивляешься после церковника и бабника?

– И командира в юбке... – Прежде чем мальчишка успел добавить еще что-то, я исхитрилась зажать его щеки между указательным и большим пальцем, превратив лицо острослова в «уточку». Губы тут же возмущенно задвигались, но звуки были невнятными, так что, если он и сказал нечто обидное, на его счастье, я не разобрала.

– Сначала дело – оттачивать приемы пикировки будем потом. Твой лунатик уже успел от нас уйти.

– Он и твой тоже, – освобожденный от моего захвата Оська возмущенно вытер губы.

Нет, все же в виде «уточки» он не только смотрелся милее, но и «на слух» оказался приятнее.

В три шага я догнала Ерема, уже почти добравшегося до кухни, и перехватила поперек туловища. Ноги мальчишки все так же продолжали двигаться, словно и не отрывались от земли. Тяжелый-то какой, даром что маленький! Я хоть девушка крепкая, но одной рукой не доволоку. Мне пришлось передать свою свечу Оське и, обхватив брата-лунатика двумя руками, с трудом подниматься по лестнице.

– Может, проще было его разбудить?

– Лунатиков нельзя будить. Это может нанести психологическую травму.

– Тогда надо позвать Ласа или Ивара.

– Наконец-то в тебе проснулся джентльмен.

– Просто если ты упадешь – это нанесет Ерему не только психологическую, но и физическую травму.

– Если будешь продолжать в том же духе, я сама нанесу тебе и психологическую, и физическую травмы.

Первая от лестницы дверь открылась, и из-за створки показалась заспанная голова Ивара в старомодном отцовском колпаке с кисточкой:

– Что у вас...

– Ивар, иди сюда, – перебила я. – Мне тяжело.

Не успела с радостью спихнуть ему на руки все еще шевелящего ногами Ерема, как раздался громкий стук во входную дверь:

– Эй, хозяева, открывайте!

Мы втроем переглянулись. Кого это принесло в такой поздний час?

Дверь снова затряслась от ударов:

– Открывайте! Я вашего сына (стой смирно, паразит ты этакий!) привел!

Ну, как всегда: чем ближе полночь, тем пьянее гномы! Я оглядела присутствующих. Итак: трое братьев у меня на виду, осталось еще трое. Ставлю лад на то, что привели Ефима.

Пришлось спускаться вниз: слуги уже разошлись по домам, а няня спит – дверь открывать мне. Я оглядела свой наряд и поплотнее запахнула пеньюар – никто же не рассчитывал застать меня в парадном платье в двенадцать ночи, ведь нет?

Стоило немного приоткрыть дверь, как створка тут же распахнулась во всю ширь: на пороге стоял дюжий детина, на груди которого едва сходилась фермерская куртка. Одной рукой гигант держал за шиворот притихшего Ефима. Надо было все же с кем-нибудь поспорить, с тем же Оськой.

– Доброй ночи, сестрица, – задорно махнул мне рукой братец, за что тут же был вздернут так, что край сюртука впился ему под подбородок.

– Что здесь происходит? – грозно спросила я фермера, хотя и понимала, что, скорее всего, прохвост заслужил такое обращение.

Мужик оглядел меня, не признал и хмуро сказал:

– Мне бы леди Иветту.

– Ее здесь нет. Я за нее. Почему вы так обращаетесь с моим братом?

– Ваш брат – вор, леди... э-э...

– Николетта. Что заставляет вас так думать?

– Я поймал его, когда он пытался перелезть через забор на мое картофельное поле, – кажется, для фермера это был железный аргумент.

Ефим – поклонник корнеплодов, ой ли? Меня подмывало спросить, нет ли у громилы взрослых дочерей, но пришлось вовремя прикусить язык: кто знает, если бы мужик догадался, что Ефим покушается отнюдь не на его картошку, то, скорее всего, казнил бы любвеобильного идиота еще на поле.

– Ефим? – грозно спросила я и скопированным с матери жестом уперла кулаки в бока.

– Да я только посмотреть хотел! – со всей возможной искренностью воскликнул поганец.

– На что? – очень слаженно спросили мы с фермером.

– На картошку, – невозмутимо пояснил сказочник, – как растет, чем удобрена, как окучена. А то у нас мелочь одна, да и та наполовину гнилая.

Зря он на нашу картошку наговаривал. Фермер недовольно пожевал губами. Видно, ему сказка тоже не понравилась: ни тебе интриги, ни счастливого конца – поэтому я решила завершить историю по-своему.

– Знаете что, вам же сейчас как раз эту картошку убирать, лишние руки всегда пригодятся. Так что забирайте этого лоботряса, и пока то самое поле не выкопает, можете не возвращать.

Фермер замер, а затем посмотрел на меня как на полоумную. Сын младшего лорда будет копать на поле картошку?! Да к нему в дом гости теперь станут ходить в два раза чаще, только чтобы посмотреть на такую невидаль!

В этот момент из-за моей спины появился Оська с двумя свечами в руках – ситуация моментально подогрелась, только не свечами, а все еще пятнистым лицом мальчишки. Глядя на эту любопытную мордочку в жизнерадостных синих разводах, фермер открыл рот и выпустил из рук воротник Ефима – нашкодивший подросток сразу же поспешил отползти в сторону. Все бы ничего, синее лицо, ну с кем не бывает – но вслед за Оськой появился Ерем, сбежавший каким-то

образом от Ивара. Под удивленными взглядами присутствующих ребенок с закрытыми глазами подошел к двери, обнял ручонками толстенную ногу фермера и с каким-то невнятным бормотанием продолжил свой сладкий сон. Мужик боялся пошевелиться и уже сто раз пожалел, что вообще сюда пришел, когда объявился Ивар в своем дурацком ночном колпаке со священным кругом на шее и стал аккуратно освобождать ногу фермера от захвата Ерема.

– Ну так как? – Я деликатно откашлялась, старательно делая вид, что ничего необычного не происходит.

– О боги, делайте, как знаете! – истерически воскликнул громила и, как только Ивар освободил его от нашего младшенького, в ту же секунду скрылся в темноте ночи, так что никто не успел даже глазом моргнуть.

М-да, теперь наша семья станет еще более популярной в округе. Мало кто другой дает столько поводов для сплетен.

– Спасибо, сестренка! – Ефим чмокнул меня в щеку и заскакал вверх по лестнице, так что я даже не успела придумать, что ответить, а Ивар начать свои наравоучения.

Стоп!

Что?! Спасибо?!

Где была моя голова? Неудивительно, если братья пойдут вразнос с такой сестрой-ротозейкой. Я же только что собственноручно нашла для Ефима повод находиться на возделенной ферме!

Оставалось надеяться, что на этот раз «любовь» не так сильна и ему станет лень копать картошку.

Но все мои надежды пошли прахом, когда на следующее утро я увидела брата, выходящего с нашего двора с лопатой наперевес.

Глава 2

Проблемы наследства и наследников

– Осечка, миленький, открой, ну пожалуйста, – страдала я под дверью, напрасно растрачивая короткий запас уменьшительно-ласкательных слов, отпущенных на всю мою бестолковую жизнь.

За дверью щелкнула задвижка, и, как только створка немного приоткрылась, я тут же схватилась за нее руками в бледных сине-фиолетовых разводах и ворвалась в комнату не хуже разъяренного тролля. Но Оськи не было – из двери на меня хмуро и осуждающе смотрел Ерем.

– А где Оська?

Как и ожидалось, ребенок оставил этот вопрос без ответа.

Ладно, не важно. Я кинулась к тумбочке около кровати брата, осмотрела ее, но не нашла того, что нужно. Затем проверила все полки в гардеробной. Знаю, потом мне будет стыдно за этот несанкционированный обыск. Но ситуация критическая: через несколько часов мы должны будем отправиться на сезонный городской бал, а я вся в разводах, как аквариумная рыбка. Служанка приготовила мне ванну и по доброте душевной плеснула туда пены из бутылки, которую я, растяпа, так и оставила на полке после шутки над младшим братом. К счастью, заметить знакомый запах, идущий от воды, я все же успела раньше, чем погрузилась в ванну с головой, но легкий голубоватый оттенок кожи все равно приобрела. Первое правило хорошего вкуса: никогда, повторяю, никогда бальное платье не должно быть одного цвета с вашей кожей. Особенно если платье голубое. Оставалось только радоваться, что волосам удалось избежать столь радикальной окраски.

Кто-то подергал меня рукой за подол. Я обернулась и тут же едва не прослезилась: Ерем протягивал вожаделенный кусок мыла.

– Теперь точно знаю, кто мой любимый брат. – Я схватила мыло и потрепала спасителя по волосам.

Мальчик хмуро и осуждающе покачал головой, как бы говоря, что я безнадежна. Не появился еще в этом доме человек, который не был бы молчаливо и оттого особенно безоговорочно осужден Еремом.

Хорошенькое начало вечера. Если так пойдет и дальше, сегодня я произведу неизгладимое впечатление на местную публику. Они и без того уже более чем подготовлены какими-то невнятными слухами, но мое явление собственной персоной затмит любые сплетни. Я ожесточенно терла руки, плечи, спину и зону декольте – короче говоря, все те участки тела, которые не будут скрыты под платьем. Имей греладская мода чуть больше здравого смысла и сострадания к своим жертвам, мой выходной наряд был бы гораздо менее открытым. Оставалась только одна причина для радости – платье, сшитое королевской портнихой для королевского бала, должно было сразить всех местных кумушек наповал.

Я закрепила последний крючок на корсаже, но, для того чтобы взглянуть на себя в зеркало, не осталось ни секунды: мы и так опаздывали почти на час, и через некоторое время появляться в зале станет уже просто неприлично. Служанка накинула на меня плащ, и я, как гигантский еж, затопотала вниз, на ходу застегивая пуговицы.

Внизу ждали Лас и Ивар. На мое счастье, первый обладал природным смирением, а второй пытался его в себе воспитывать, поэтому обошлось без ворчания и взаимных упреков. В кресле у камина спал обессиленный Ефим: он растекся по обивке с таким видом, словно из него вынули все кости и мышцы. Может, все же зря я переживала по поводу его работы у фермера? Крестьянский труд, да еще с непривычки, не оставляет ни малейшего желания вечером волочиться за юбками, будь эти юбки хоть в десяти шагах от тебя. У бедняги даже не хватило сил на то, чтобы отправиться с нами, хотя в обычном своем состоянии он не упустил бы такого случая.

К крыльцу подали экипаж, и я с замиранием сердца осмотрела дверцу: буквы оказались покрашены черной краской немного неровно, но на сегодняшний вечер хватит – в сумерках, да при плохой погоде, никто ничего не заметит, а потом можно будет отправиться в город и заново покрыть дверцу лаком по всем правилам.

В холле здания общественных собраний, предчувствуя неминуемый триумф, я скинула плащ и предстала во всем блеске бального великолепия. Видимо, великолепие было и впрямь ослепительным, поскольку все взоры моментально обратились на меня. Даже оба моих брата, вовсе не склонные восторгаться красотой сестры, обменялись странными взглядами.

Чем отличаются городские балы от королевских, так это тем, что на них приходят главным образом для того, чтобы потанцевать, поесть, поиграть в карты и посплетничать, а не для того, чтобы соревноваться в подхалимстве, остроте языка и вычурности туалета. Судя по тому шепоту, который сопровождал мое появление в бальной зале, танцевать мне придется много.

Я выпрямила спину, гордо подняла голову и приготовилась наслаждаться сегодняшним вечером.

– Николетта, ты что, с ума сошла?! – Цепкие тонкие руки схватили меня чуть повыше локтя и, испортив миг триумфа, утащили за ближайшую колонну. Я оказалась лицом к лицу с испуганной Алисией. – О чем ты только думала? Откуда это платье?

– От королевской портнихи. – Я удивленно оглядела себя, затем подругу, которая казалась не в пример более одетой, и хлопнула себя по лбу: – О боги!

Дело в том, что столичная мода приходила в Кладезь с запозданием на два-три года, причем в таком урезанном виде, что я сказала бы, что она не приходила, а доползала на последнем издыхании. И зачастую издыхала-таки на пороге какой-нибудь престарелой блюстительницы нравов. Потому что не было в Кладезе силы более страшной и неумолимой, чем общественное мнение.

За колонну заглянули обеспокоенные Ивар и Лас. Я махнула им рукой, чтобы шли пока без меня.

– Представляешь, разговоры о том, в каком виде ты появилась, начались в зале за пять минут до твоего появления! – Алисия обошла меня вокруг и, несмотря на явную тщетность своих усилий, попыталась подтянуть повыше лиф моего платья.

– Это успех, – кисло сказала я.

– Подожди, я сейчас что-нибудь придумаю и вернусь. – Подруга наконец сдалась, но, едва она отступила на шаг, в просвете между колонной и стеной появилась прямая фигура леди Рады.

– Настоящая леди всегда одета в соответствии со временем и местом. – Закаленная аристократка сразу припечатала меня к колонне не только словом, но и своей напористой фигурой, – никогда не забывайте об этом!

Я машинально сделала реверанс. Широта души этой дамы и готовность высказывать свое мнение в самый неподходящий момент были поистине неоценимы.

Леди Рада решительным жестом сняла с себя тяжелую бордовую шаль и накинула мне на плечи:

– Идите за мной.

Я бросила на Алисию взгляд, умоляющий о помощи, и поплелась вслед за своей властной покровительницей. Многообещающий вечер постепенно превращался в кошмарный сон. От шали пахло каким-то лавандовым средством против моли, к тому же ее бордовый цвет стал жутким дополнением к нежно-голубому платью. Леди Рада уселась в самом дальнем конце зала и усадила меня рядом – казалось невозможным найти место, более далекое от цивилизации, в этом помещении.

– Голубушка, завяжите шаль потуже... не перестарайтесь, она дорогая, сабакская. Не сутультесь. И не надо так пристально смотреть на танцующих – может сложиться впечатление, что вы страдаете из-за отсутствия кавалера.

Родная маменька за всю жизнь не занималась моим воспитанием столько, сколько леди Рада за последние полчаса. Она даже не поленилась встать и собственноручно перевязать на мне злосчастную шаль, причем сделала это дама с таким усердием, что я оказалась на волосок от того, чтобы стать жертвой удушения. Впрочем, благодетельница была довольна и со свойственным ей тактом заявила, что теперь я стала похожа на благородную даму.

Оставалось только зевать и перебирать варианты побега: даже если у кого-то и могло теперь проснуться желание со мной потанцевать, то, думаю, его напрочь

отбил бы чопорный вид моей экзекуторши. Алисия тоже трусила подойти, а больше спасти меня было некому. На братьев надеяться не стоило: Ивар уже наверняка донимал церковника, а Лас невозмутимо подпирал какую-нибудь стену.

Проводить целый вечер в качестве декоративного украшения моей соседки как-то не хотелось. Предстояло выкручиваться самой:

– Леди Рада, могу я осведомиться, какая причина сегодня лишила нас общества вашего сына?

Вопрос был задан в надлежащей форме, и моя собеседница осталась довольна:

– Лорд Гордий изволил чихнуть перед самым нашим выходом, и моя материнская интуиция подсказала, что лучше ему остаться дома. Но не волнуйтесь, вам еще представится шанс с ним встретиться.

– Позвольте поинтересоваться, сколько лет вашему сыну? Надеюсь, это не слишком бестактно? – Вопрос мог быть истолкован превратно, но удержаться оказалось невозможно.

– В этом году ему сравняется тридцать. Прощаю ваше любопытство, голубушка, – леди Рада с треском раскрыла веер, – и разрешаю немного помечтать. Только такая мать, как я, глядя на хрупкое здоровье своего ребенка, может смириться с тем, что крепкое сложение невестки гораздо важнее титулов и приданого.

– Вы рассуждаете как конезаводчик, – не удержалась я.

– Милая моя, разве вы никогда не слышали выражения «дворянская порода»?

Нет-нет, отсюда точно пора было спасаться бегством.

– Принести вам пунша? – Я решительно встала.

– Вы что, там же алкоголь!

– Может, пирожное?

– Милочка, половина людей в моем возрасте умирают из-за несоблюдения диеты. Вот и доктор подтвердит.

К нам с легким поклоном приблизился сэр Мэверин, правда, уже не в своем черном врачебном сюртуке, а в светском камзоле, что только прибавило ему обаяния.

– Какой прекрасный вечер, не правда ли?

Пока леди Рада отвечала, что количество приглашенных могло бы быть и поменьше, а перерывы между танцами и побольше, я за ее спиной одними губами произнесла:

– Спасите, – и молитвенно сложила руки.

– Леди Николетта, с вами хотел поговорить отец Оврамий. – Доктор прекрасно меня понял и пришел на выручку.

– Тогда я вынуждена буду покинуть вас на несколько минут.

Обрадованная появившейся возможностью улизнуть, я на такой скорости полетела от леди Рады, что даже не заметила, как зацепилась ее шалью за пуговицу на сюртуке какого-то господина. По совету и не без деятельного участия владельницы шаль была завязана так крепко, что морским узлам с ней не тягаться – поэтому меня развернуло, и я больно уткнулась носом в грудь несчастного человека.

Было непростительной беспечностью с моей стороны забыть, что все без исключения вязанные шали еще на спицах мастериц-вязальщиц снабжаются способностью цепляться за любой предмет. И если вы счастливая обладательница сего нитяного изделия, а в вашем доме есть тонкие дверные ручки, торчащие гвозди и острые косяки, то будьте уверены – они ваши. Как оказалось, это незыблемое правило распространялось также на пуговицы мужских сюртуков.

М-да, неприятно получилось! Кажется, привлечь большего внимания к собственной персоне сегодня уже было невозможно. Я потерла пальцами нос и подняла глаза на свою жертву. Жертва глядела в ответ отнюдь не жертвенным взглядом: мужчина с резкими чертами лица и неприятным прищуром уставился на меня так, словно хотел раздавить на месте. Что-то подсказывало, что милым кокетством и сетованием на зловерные свойства всех шалей здесь не отделаешься – придется извиняться всерьез.

– Не тратьте времени на извинения, – сухо заявил господин. – Я понимаю, почему вы так спешили. Но чем быстрее вы меня освободите, тем лучше будет для нас обоих.

Мне определенно импонировала его деловитость, особенно в свете того, что леди Рада, увидев происшедшее, уже поднималась со стула, а предупредительный доктор, судя по всему, пытался ее успокоить.

Шаль, как назло, вцепилась в пуговицу намертво, и все мои попытки освободиться так и не привели к успеху. Хмурый господин, казалось, уже готов был поскорее снять сюртук и оставить его мне на растерзание, только бы не стоять рядом в такой нелепой позе.

– Извините, – я все же начала извиняться, – можно было бы оторвать эту коварную кисточку, но шаль не моя.

– Я уже понял чья, – с еще меньшим энтузиазмом проговорила моя жертва, за секунду до того как рядом с нами появилась леди Рада.

– Милочка, да не дергайте же так – только затянете. И не прижимайтесь к господину Клаусу – это неприлично, – я бы и рада была не прижиматься, но выбора не оставалось. – Отойдите-отойдите. Ах, моя сабакская шаль! Не всякая женщина может носить ее с должным достоинством! Если бы я только знала! Доктор, попробуйте вы, у вас должны быть ловкие пальцы.

Сэр Мэверин занялся узлом, а господин Клаус при его появлении поднял глаза к потолку и только что патетически не приложил ко лбу руку – вся эта возня явно оказалась большим испытанием для его терпения. Леди Рада, оставшись не у дел, решила сгладить происшедшее:

– Не делайте такого лица, Клаус, девочка зацепилась не специально. А вы могли бы быть осторожнее в выборе одежды. – Скулы хмурого господина резко обозначились, но пожилая дама этого не заметила. – Раз уж такое дело, то позвольте представить вам леди Николетту, дочь сэра Эдварда. Голубушка, господин Клаус – владелец новой фабрики, которая находится рядом с городом.

Только после этого хмурый господин ожил, его глаза, как два черных угля, заново пробежались по моей персоне с каким-то деловым интересом:

– Позвольте спросить, а ваша матушка сейчас здесь?

– Нет, она отправилась ко двору, – честно ответила я, не подозревая, чем вызван подобный вопрос.

– И конечно же скоро вернется?

– Думаю, что не раньше, чем через несколько месяцев, – маменька, конечно, обещала приехать через месяц, но я знала ее уже двадцать лет.

Лицо фабриканта помрачнело:

– На кого тогда она оставила свои дела? Мне хотелось бы обсудить с ней детали договора.

Я почти начала говорить, что на меня, но вовремя опомнилась – тут мне никто не поверит, а если поверят, то непременно осудят:

– На моего брата Ласа...

– Готово! – В этот момент доктор закончил сложную операцию по отделению меня от хмурого господина и тем самым помешал спросить, что это за подозрительный договор, о котором я ничего не знаю.

Фабрикант тут же отодвинулся с некоторой неприязнью, я с теми же эмоциями стала развязывать на себе шаль. Нет, хватит-хватит-хватит! Что за затмение на меня нашло, если я покорно сносила чужие нападки и заботилась о добром мнении посторонних людей?

– Леди Рада, премного благодарна за вашу шаль. Но боюсь, что на мне она не может чувствовать себя в безопасности. – С этими словами я вернула вещь хозяйке и обратилась к господину Клаусу. – Еще раз приношу свои извинения за случившееся.

Повернувшись к ним спиной, я снова почувствовала себя центром притяжения всех взглядов. Ну и пусть, главное, чтобы у меня на спине не осталось синих разводов. А в остальном ради восстановления душевного равновесия можно было снести еще и не такое.

Легко внушаемого и доверчивого Ласа я нашла за карточным столом в компании какой-то пожилой леди, ее сонного супруга и отца Алисии, сэра Гвидона. Последний – завзятый циник и обжора – был не самой лучшей компанией для моего неоперившегося брата.

– Никогда еще не видел такого бесполезного молодого человека, – сыто, а оттого вполне миролюбиво разглагольствовал сэр Гвидон. – В его-то годы не уметь играть в карты! Что за поросль пошла, просто диву даюсь! Николетта, только посмотри на это!

Чудак спешил приобрести во мне еще одного слушателя.

– Непростительная неумелость, – вставила пожилая леди.

Лас взирал на них с самым добродушным видом и, казалось, был совсем не против того, чтобы старики развлеклись, проходясь на его счет.

– Это все наша сельская местность: к двадцати годам молодые люди отрачивают спасательный круг на талии, после женитьбы он превращается в спасательный жилет или вовсе надувную лодку. – Отец Алисии погладил свой собственный внушительный живот. – Нет, нам определенно нужна война, хотя бы раз в поколение.

– Вы бы говорили по-другому, будь у вас сын, – заметила я и сделала Ласу недвусмысленный знак, что нам пора уходить из этой компании.

– Но, слава богам, у меня две дочери, и поэтому я могу говорить правду.

– Как-то вы очень резко перескакиваете от умения играть в карты к войне, – в следующий раз возьму с собой Ерема: пусть наш гениальный малыш отыграет у этого философа половину годового дохода.

– Просто это всего лишь одно из многих ценных умений, которые приобретает солдат. Мальчики, воспитанные в мирное время, редко становятся мужчинами. Оглянитесь вокруг: им не о чем заботиться, главная их задача – как-то занять свободный вечер. Да что там, оглянитесь, посмотрите на меня – вот вам живой пример! – Сэр Гвидон явно не только удовлетворил свой аппетит, но и утолил жажду не одним стаканом пунша. – И за этих молокососов мне приходится выдавать своих дочерей!

Нет, я определенно не смогу сейчас выдернуть Ласа из этих сетей – карточная партия кончится в лучшем случае через полчаса, а до этого времени можно даже не пытаться. Поулыбавшись пламенным, но не имеющим ни малейшего смысла речам нашего соседа, я поспешила отойти от стола, пока отец Алисии не втянул меня в свои разговоры. Вопросы к брату подождут до вечера.

Наливая себе бокал пунша, я оказалась в непосредственной близости от все того же злосчастного фабриканта и незнакомой мне дамы, в связи с чем стала невольной слушательницей их разговора.

– Ну что, братец, хоть кто-то, да умудрился поймать тебя в свои сети, – сказала женщина, не подозревая, что носительница этих «сетей» стоит совсем рядом. – Теперь понимаю, что имеет в виду моя горничная, рассказывая, как «зацепила того столяра». Я бы не отказалась познакомиться с этой рыбачкой, но право же, ее платье не заслуживает того, чтобы его так стыдились.

Дама и впрямь была одета в наряд, по покрою очень походивший на мой, но при этом несла себя с достоинством.

– Не трать время, ничего интересного ты в ней не найдешь. – Господин Клаус остался равнодушен ко всем ее уколам. – Обычная провинциалка, не обремененная интеллектом.

– Возможно, – легко согласилась дама, которая, судя по всему, приходилась ему сестрой, – но надо отдать ей должное, нелепые ситуации она создает мастерски.

Какие черствые неприветливые люди эти промышленники! Подслушивать разговор дальше было неприятно, и я решила удалиться, не преминув между делом звонко опустить половник в чашу для пунша, так что злоязычные сплетники просто обязаны были обернуться и раскаяться в своих словах.

После этого маленького происшествия я выловила Алисию между двумя танцами и четырьмя кавалерами и под осуждающие мужские взгляды полностью завладела ее вниманием:

– Расскажи мне про сестру фабриканта.

– Про какую?

– А их несколько? Про ту, которая сегодня соревнуется со мной в эпатаже – не люблю конкуренции.

– О, это леди Филиппа. Два раза была замужем: первый муж умер, со вторым она развелась сама. Сейчас хозяйничает в доме брата. И можешь даже не пытаться соревноваться с ней в эпатаже – победить не удастся. А что, она уже сказала нечто шокирующее по твоему поводу?

– Да нет, по сравнению со словами брата ее высказывание можно расценивать как комплимент. А другая сестра?

– Во-он та маленькая кокетка. Даже твой Ефим однажды при мне назвал ее пустоголовой – а это что-то да значит. – Алисия указала мне на тоненькую девушку лет шестнадцати, разряженную в пух и прах.

Ну что ж, мы тоже можем быть злоязычными, но у меня, по крайней мере, обычно имеются для этого оправдания.

– А появились ли за время моего отсутствия еще какие-то новые лица?

Алисия задумчиво оглядела зал:

– Разве что новый доктор. Как ты его находишь? – Она указала на сэра Мэверина, который танцам предпочел сладкий сон на стуле рядом с моей троюродной теткой.

– Ну мне его манеры показались слишком изящными для доктора, хоть и шутит он на грани приличия.

– Так вы знакомы? Сложно поверить, что сын старшего лорда сам решил стать врачом, не правда ли? Но, похоже, у него не было выбора. Я слышала, что сэр Мэверин – самый младший из сыновей в очень большой семье, так что может добывать средства к существованию только собственным трудом.

– И, к несчастью, ленится прилагать к этому усилия.

– С чего ты взяла?

– Судя по разговору, он далеко не глуп и мог бы добиться большего, чем практика в таком захолустном местечке, как наше, но вместо этого предпочитает похрапывать подле моей тетушки. Ей семьдесят пять, ему не больше двадцати семи, а свой досуг они проводят одинаково, и это крайне прискорбно.

Алисия коварно улыбнулась:

– Кажется, ты заботаешься о нем больше, чем о ком-либо еще из наших знакомых молодых людей.

– И не думай, – необходимо было немедленно опровергнуть все скрытые намеки подруги. – Я всю жизнь с кем-нибудь нянчусь: с братьями, с матушкой, а порой и с собственным отцом. Если мне придется нянчить еще и мужа – я этого не переживу.

– Пусть так, но пойдем, по крайней мере, заставим его танцевать, пока он не свалился со стула на колени к твоей тетке – то-то будет переполоху.

От нечего делать я согласилась совершить акт милосердия.

Подойдя к доктору, Алисия легонько постучала его по плечу, и, когда разбуженный раскрыл слегка затуманенные глаза, мы с ней хором пожелали ему доброго утра.

– Сэр Мэверин, почему вы не танцуете? – бойко спросила моя подруга. – Вы с Николеттой сегодня два самых достойных сожаления существа в зале – ни разу не видела вас на паркете.

Я бросила сердитый взгляд на болтушку, которая, судя по всему, таким бесхитростным способом старалась найти для меня кавалера. Но доктора было не так-то легко пронять:

– Потому что мне лень: столько телодвижений, и все они не приведут к хоть сколько-нибудь стоящему результату. – Он потянулся. – К тому же я слушал весьма занимательную историю о молодости этой пожилой дамы, но, поскольку она постоянно путалась с датами, деталями и действующими лицами, в очередной перерыв между ее воспоминаниями мы вместе заснули. Нет ничего более целебного, чем краткий сон под хорошую музыку.

Теперь я бросила на подругу уже многозначительный взгляд. И этого человека она рассматривала как чьего-либо потенциального мужа? Но та даже не думала сдаваться:

– Как же в таком случае вы намереваетесь искать себе спутницу жизни?

О боги! Как будто танцы в этих поисках обязательный элемент. Алисия, ты рискуешь превратиться в пустую кокетку!

– Я вовсе не собираюсь ее искать, – как бы по секрету шепнул нам доктор, но по искрам в его глазах я поняла, что в данном случае он все же больше шутит, чем говорит всерьез. – Брак – это так утомительно. Одно исполнение супружеского долга чего стоит: сначала ты раздеваешься, потом одеваешься...

Алисия начала неудержимо краснеть, и, воспользовавшись паузой, я извинилась, подхватила ее под локоток и утащила на другой конец зала, где нас уже поджидали более галантные поклонники.

Через некоторое время, находясь в гуще толпы, я по неосторожности снова встретила глазами с леди Радой. Та со своего почетного места стала делать мне такие явные сигналы подойти, что проигнорировать их показалось бы первостатейной грубостью. Ну что ж, на этот раз я приготовилась отбиваться от всех ее атак.

Пожилая дама была не одна: рядом с ней примостилась хрупкая деликатная девушка – старшая дочка нашего мэра. Неужели очередная жертва? Тогда, как ни жаль мне это легковесное создание, я безумно счастлива, что поучения леди Рады наконец-то нашли адресата.

Но мое видение ситуации было ошибочным. Мучительницей в этой паре оказалась отнюдь не моя незваная покровительница, а скорее ее хрупкая соседка.

– Леди Рада, принести вам пунша? А может быть, скамеечку для ног? Давайте я прикрою окно, а то сквозняки так коварны. Вы снимаете шаль, позвольте мне ее поддержать. Вам, должно быть, жарко. – Девушка махала на пожилую даму своим веером с такими усилиями, каких никак нельзя было ожидать от человека столь деликатной конституции. – Может, смочить вам виски холодной водой?

– Не нужно, Сабэль, не нужно. – Леди Рада начала отбиваться от веера девушки. – Обо мне прекрасно позаботится леди Николетта. Идите лучше к своему отцу, он уже полчаса зачем-то одобрительно кивает вам с того конца зала.

Такого прямого повеления девушка не могла послушаться и, бросив на меня ревнивый взгляд, удалилась.

– Вот лиса! Так и ластится! Все хочет подобраться поближе к моему дорогому мальчику! А сама-то тоща!

Я бы не сказала, что Сабэль тощая: просто вид у нее был настолько хрупкий и кроткий, что каждому невольно хотелось ее защитить и найти в комнате место потеплее, чем коварная девушка постоянно пользовалась.

– Но мы не дадим его в обиду, правда, душечка? – все не могла успокоиться леди Рада. – Только надеюсь, вы не собираетесь махать на меня своим веером и

тереть мне виски мокрым платком. По совести говоря, вам давно пора заменить эти аксессуары – такие, как у вас, здесь не в моде... кх-м... как и ваше платье, впрочем.

Так, я, кажется, начинала потихоньку понимать, отчего эта пожилая дама вспылала ко мне симпатией. Бьюсь об заклад, не пройдет и месяца, она сделает мне предложение руки и сердца (от имени своего сына конечно же). Но боюсь, к тому моменту я буду, равно как и сейчас, даже не в курсе того, как выглядит потенциальный жених.

Мои губы растянулись в абсолютно безумной улыбке, что вызвало к жизни шедевральную речь леди Рады по поводу часто улыбающихся девиц и случающихся с ними из-за этого неприятностей, которую, впрочем, я здесь приводить не буду. Поберегу ваши и свои нервы.

Есть немало признаков, по которым можно определить, что городской бал подходит к концу. Во-первых, предводитель общественного собрания (да-да, тот самый, который самоизбрал себя мэром Кладезя) через каждые десять минут начинает толкать проникновенные речи о славе нашего города и добродетелях его жителей. Причем чем дальше, тем ярче слава и добродетельнее жители. Так что будьте уверены: первое же предложение поставить кому-нибудь памятник на главной площади – явный сигнал того, что пора уходить. Если памятник собираются поставить вам – это не просто сигнал, это пожарная тревога, оповещающая о том, что вы непрослительно задержались. Во-вторых, обратите внимание на музыкантов: с приближением вышеуказанного времени они начинают играть все медленнее, пока не скатываются на колыбельную, под которую дружно засыпают все ваши тетушки и двоюродные бабушки. Танцы прекращаются сами собой, и в середине зала порой можно увидеть только две-три очень настойчивые пары, один из партнеров в которых страстно хочет замуж (или жениться, но это реже), а другой недостаточно решителен, чтобы прекратить сие безобразие. Ну и в-третьих, если отец Алисии, сэр Гвидон, грузно выходя из-за стола и складывая руки поверх живота как на полку, разочарованно заявляет, что угощение было ни к лешему – это еще один из верных признаков того, что бал подходит к концу.

Хочу сказать, что задерживаться на балу дольше всех у нас считалось неприличным, а в моем случае это было просто опасно. Поэтому, увидев, как один из скрипачей уронил смычок прямо в жерло тубы соседа, я поняла, что

пора уходить, пока со мной не случилось очередного казуса, и отправилась собирать братьев по залу.

Лас по моему личному недосмотру присоединился к толпе обожателей Алисии и рассеянно держал в руках ее веер, хотя другие много отдали бы за такую честь. Брата же оторвать от этого занятия было несложно, потому что и тут он оказался несерьезен, как бывал несерьезным во всем – к моей подруге его скорее всего прибило густой волной прочих ухажеров. С гораздо большими трудами пришлось вытаскивать Ивара: тот под непрерывное кивание знакомой старушки пересказывал какую-то проповедь, причем, похоже, в лицах и с такими эмоциями, что бедная девушка (при ближайшем рассмотрении – младшая сестра печально известного нам господина Клауса), ставшая его слушательницей, все никак не могла найти благовидного предлога, чтобы ускользнуть.

– Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, но мне надо переговорить с братом. – Я схватила оратора за локоть и потащила к выходу.

– ...и сказал он: мудрость моя с тобой, но не ищи во мне силы... Николетта, мне же совсем немного дорассказать осталось, – вещал Ивар, уже пятясь за мной. Потом он отчаялся и произнес повышенным тоном последнюю строчку, – ибо вся сила в Тебе!

Но его молоденькую слушательницу уже как ветром сдуло с места, хотя старушка все так же продолжала сидеть и кивать.

На улице даже сквозь ночной мрак были видны сгустившиеся тучи, а к тому моменту, когда слуга подал наш экипаж, зарядил дождь. Многие сказали бы, что дело пустяковое, если есть своя карета. Но как раз в карете-то и крылась вся проблема...

Видимо, дождь был крайне очистительным, поскольку под его воздействием стала вылезать столь тщательно скрывавшаяся правда. В момент, когда на дверце проступили буквы «легкий путь на небо», у Ивара задергался левый глаз, а Лас стал беспокойно оглядываться. Я же поспешила запихнуть обоих в экипаж, не дожидаясь удовольствия лицезреть «Тимофея и сыновей» с их бюро ритуальных услуг.

Наконец мы остались одни. И сейчас меня гораздо больше, чем наш экипаж и очередные проделки Оськи, беспокоила деловая жилка моей матушки.

– Лас, что за договор заключила мама с этим фабрикантом?

Надеюсь, это не что-то кабальное, благодаря чему все ее потомки до седьмого колена будут работать у господина Клауса на фабрике. Я мысленно скрестила пальцы на удачу.

– Хм, не уверен. – Старший сын и наследник всего состояния наших родителей беспечно пожал плечами. – Что-то о выращивании какой-то травы. Матушка рассказывала, но мне было не очень интересно. Ты видела? В городе до сих пор цветут астры, а наши уже облетели. Может, сорт не тот?

Если бы не теснота кареты, я едва ли смогла бы подавить в себе желание дать ему подзатыльник. Не интересно!

О боги, сколько раз я уже сокрушалась – еще один раз вы выдержите. Ну почему, почему первым на свет появился именно Лас, а не Оська или Ерем к примеру? Да и Ефим справлялся бы с ролью старшего сына гораздо лучше! Было даже как-то мелочно со стороны родителей переживать по поводу разного рода завихрений в головах остальных детей, когда настоящую проблему представлял именно их обожаемый тихий и смирный наследник.

Большинство людей уверено, что деятельные энергичные характеры – это прекрасно. К сожалению, я не вхожу в это большинство, потому что буквально с первых минут жизни познакомилась с двумя такими деятельными натурами – моими родителями. Так что с авторитетом специалиста с двадцатилетним стажем могу заявить: энергичность энергичности рознь. Для начала возьмем моего отца: оказавшись перед какой-либо задачей, он прикладывал все усилия, чтобы решить проблему, добивался невероятных успехов, но потом довольно долго мог почивать на лаврах, не видя необходимости в том, чтобы рваться куда-то еще и ставить для себя другие цели. Моя матушка, наоборот – хваталась за все новые идеи, ввязывалась в сомнительные авантюры, но быстро к ним остывала, переключаясь на что-то другое. Вместе они замечательная пара, именно их счастливая встреча в юности принесла нашей семье титул младших лордов, а отцу должность управляющего королевским дворцом. Но вот по отдельности... это просто какая-то беда!

Поэтому на следующее утро первым делом (после завтрака, конечно) я пошла в кабинет отца с целью найти злосчастный договор, который даже приснился мне несколько раз за ночь в разных вариантах. Помню только, что в последнем сновидении господин Клаус на фоне алых языков пламени потрясал роковой бумажкой у меня перед носом и заходился в инфернальном хохоте. Только очень восторженный оптимист может сказать, что это хороший знак. Я предпочитала партию суровых реалистов, поэтому бойко застучала ящиками массивного письменного стола. Кажется, в последнее время кабинет использовался для чего угодно, только не для работы, поскольку в первую очередь мною были обнаружены две мышеловки, недовязанный носок, засохший кусок пирога и дамский башмачок со сломанным каблуком. Когда я дошла до шмеля, приколотого булавкой к какой-то картонке, в кабинет просунул вихрастую голову Оська:

– Николетта...

– Кыш отсюда! Я с тобой не разговариваю!

Надеюсь, что общественное порицание (старших братьев и сестры, которые вынуждены были наслаждаться позором в облезшей карете) когда-нибудь возымеет на него действие. Хотя для усиления воспитательного эффекта я еще добавила лишение сладостей на неделю с возможностью продления срока наказания.

– Значит, и читать письмо от маменьки не будешь? – Паршивец скрылся за створкой двери.

Я обогнула стол и в три прыжка достигла порога. К счастью, Оська помнил о вероятности того, что не встретится со сладким еще неделю, поэтому и не думал убегать, а смирно ждал в коридоре. Я умилилась. Интересно, если ему теперь после каждого хорошего поступка давать сахарок, это поспособствует дальнейшему воспитанию? Или все же участь комнатной собачки его возмутит?

– Вот. – Он протянул мне конверт.

Я выхватила послание:

– Все равно не разговариваю, и не подлизывайся. Иди проси сначала прощения у братьев.

– Лас уже простил, а Ивар сказал: «Боги простят».

Нет, что-то явно шло не так в образовании нашего будущего церковника.

– Читай ему его любимые проповеди, пока не простит, а до этого на глаза мне не показывайся.

– Так-то ты со мной не разговариваешь... – проворчал Оська.

Я промолчала в ответ, чтобы хоть немного исправиться и не быть голословной.

Пора было вскрывать послание.

Моя матушка не любительница писать письма: взяться за перо ее могли заставить либо большая новость, либо очередная сумасшедшая идея. Поэтому перед вскрытием конверта следовало подготовиться хотя бы морально. Я выдохнула и, сломав сургуч, развернула письмо.

«Николетта, ты, наверное, удивишься, получив от меня письмо так скоро после отъезда. Но боюсь, что в суматохе сборов у меня не было возможности в подробностях рассказать тебе о делах в имении».

Да уж, конечно. Скорее я была поражена тем, что в этой суматохе она успела со мной поздороваться.

«Я посветила во все детали Ласа, но не уверена, что он достаточно внимательно меня слушал».

Отчего же? Надо доверять своему чутью и говорить прямо: он совсем не слушал тебя, мама.

«Мы лишились контракта на поставку продовольствия для полка. К сожалению, здравый смысл и долголетнее сотрудничество меркнут перед родственными связями с командиром полка и личной выгодой некоторых снабженцев».

Так, значит, это правда. Да, здравый смысл и впрямь нынче не в чести. Я бы могла попробовать написать министру финансов или министру вооруженных сил, если бы не видела, каким образом обходятся в их секретариате с подобными посланиями.

«Возможно, я смогу воспользоваться своим пребыванием при дворе, чтобы решить данный вопрос, но ты понимаешь, что произойдет это нескоро. А тут еще выпал шанс выкупить кусочек земли лорда Гордия, примыкающий к нашим владениям... В общем, я была вынуждена заключить договор с господином Клаусом на поставку мари в следующем году и взять у него в качестве предоплаты сумму, необходимую для покупки. Так что, если он будет спрашивать обо мне, – заверь его, что уговор в силе».

Час от часу не легче! А этот господин Клаус, выходит, не такой уж и прожженный делец, раз выдал предоплату за еще даже не посеянный урожай. Тем более – выдал моей маменьке, которая через несколько месяцев может и не вспомнить, что подписывала с кем-то какой-то договор.

«Если тебе захочется взглянуть на документы, то они в нижнем ящике секретера или в моей прикроватной тумбочке, а если и там нет, посмотри за сервизом в буфете...»

Я уже догадалась, что они могут быть где угодно, только не в предназначенном для подобных бумаг сейфе.

«Напиши мне, как поживают твои братья. Все ли у вас хорошо? Приглядывай за Осечкой, он самый ранимый и может тяжело переживать мой отъезд».

Да уж, переживает так, что число пострадавших растет день ото дня. Про особый пригляд не стоило и упоминать: я теперь даже во время сна боялась закрывать глаза.

«Твой отец, слава богам, здоров, но постоянно чем-то недоволен. Кажется, он очень расстроился, узнав об увольнении старого дворецкого, и на дух не выносит нового мага – боюсь, что когда-нибудь эти двое подерутся, несмотря на почтенные годы твоего отца и щедедушность господина Альбера.

Целую и обнимаю вас всех.

Мама».

Без комментариев.

Надо ли говорить, что упомянутых в письме документов не обнаружилось ни в секретере, ни в прикроватной тумбочке, ни тем более за сервизом в буфете. Они бы так и канули в небытие в нашем маленьком, но таком неорганизованном доме, если бы во время моих уже предыстерических метаний из угла в угол ко мне не подошла наша старая няня и не попросила:

– Детонька, посмотри, у тебя глаза позорче, сколько тут должно быть петель? – Она протянула мне схему для вязания, нарисованную на слишком хорошей для этой цели бумаге.

Понимая, что нельзя быть такой подозрительной, я все же перевернула лист... Схема была старательно выведена на договоре залога... На договоре... чего?!

Я развернула бумагу дрожащими руками: это оказался титульный лист, на котором стояли имена господина Клауса и моего отца, от лица которого действовала маменька. Я знала! Знала! Этот фабрикант не мог быть настолько глупым и расточительным! К счастью или к несчастью, сейчас в руках у меня подрагивал только первый лист договора, что не давало возможности оценить всех масштабов бедствия.

– Няня, где ты взяла бумагу?

– Да в комнате Ласа и Ивара – оба сказали, что она им не нужна. Так сколько там петель-то?

Ротозеи!

– Боюсь, няня, обратно ты эту схему не получишь.

Разве что я заставлю Ласа ее скопировать. А потом желательно еще и шаль по ней связать, чтобы знал, как надо обращаться с важными документами.

Я вихрем поднялась на второй этаж и без стука ворвалась в комнату братьев. Ивар с бабьим визгом отпрыгнул от комода и попытался прикрыться примеряемой послушнической мантией, но из-за ее края все равно выглядывали веселенькие подштанники в зеленый горох.

– Николетта, тебя никто не учил стучаться, когда тыходишь в комнату к мужчине?!

Я фыркнула.

– Нет, меня учили не входить в комнаты к мужчинам.

– И?

– Я вошла в комнату к брату. Прекрати возмущаться, вы с Ласом очень и очень виноваты. Кстати, где этот растяпа?

– Во дворе. Что мы такого сделали-то?

– Сейчас узнаешь. – Я заметила стопочку знакомой дорогой бумаги на письменном столе. К счастью, все оставшиеся страницы договора были на месте.

– Вот здесь, кажется, столбик... или петелька?

– Что такое накид?

Мои братья склонились головами над мудреной схемой, будто решали судьбы империй. Над ними бдительным коршуном нависала наша няня:

– Лучше считай!

– Да считаю я, – пробурчал Ивар, вырисовывая еще одну закорючку.

– Еще раз пересчитай.

– Да я уже три раза считал!

– Ну если ошибетесь...

Лас стал пересчитывать заново. Он и Ивар еще помнили няню в дни ее относительной молодости, когда она навела грозу на всех домашних. Чего только стоило ощущение ползущих по спине мурашек, когда после обнаружения очередной сотворенной пакости воспитательница мрачной и молчаливой тенью вырастала у тебя за спиной и ты вдруг осознавал, что ближайшие дни будут крайне долгими и безрадостными. И хотя у меня до сих пор не выходило так же устрашающе оказываться за спиной у своих братьев, принцип приобщения провинившегося к труду я переняла у нее с удовольствием.

Ладно, боги с ними, сейчас мне не до этого – я пыталась продраться сквозь юридические формулировки договора. Доктор Мэверин не зря сетовал на то, что у юристов сложная работа – видимо, именно в отместку за эту сложность законники пытались испортить людям жизнь единственным доступным им способом, и способом этим конечно же являлись юридические формулировки.

Маменька, как всегда, опустила в своем письме существенные, но неинтересные с ее точки зрения детали. Да, был заключен договор на поставку трехсот пятидесяти центнеров мари, и да, она взяла под него с фабриканта кругленькую сумму. Зачем еще упоминать об истребованном господином Клаусом в качестве гарантии залоге? И что мы заложили? Конечно же часть имения. Я бы на месте Ласа была крайне обеспокоена. Кинула взгляд на брата – тот отрешенно выводил на бумаге очередную петельку.

Нет, ну я хотя бы нервничала немного.

Лас забылся, облизал красящий конец цветного карандаша, оставив на языке зеленый след.

Думаю, он определенно не осознавал того, что происходило с его наследством.

– Ла-а-а-ас, – брат оторвался от своего наказания и с готовностью посмотрел на меня, – тебе мама зачем дала эти документы?

– Сказала прочитать.

– И ты прочитал?

– Да. – Наследник кивнул.

– И сколько же центнеров мари, согласно этим документам, мы обязуемся поставить, и к какому числу? – Глаза Ласа стали стеклянными. – Ну скажи хотя бы, какую часть имения отдали в залог?

Тишина...

Сдается мне, географию или биологию он учил не в пример прилежней. Ивар толкнул старшего брата в бок и стал что-то нашептывать ему на ухо.

– Без подсказок! – Я стукнула ладонью по столу, а затем подошла и отдала документы Ласу. – Читай еще, пока не запомнишь, а после обеда поедem осматривать имение.

Мне даже интересно стало, что это за лакомый кусок земли, если ради него стоило влезать в такие обязательства.

Лакомый кусок представлял собой полосу, вытянутую по краю наших владений, и почти наполовину состоял из неглубокого, но абсолютно бесполезного в сельском хозяйстве оврага. Я минут десять стояла на его краю в полном молчании, пока насмешливый ветер гулял по приобретенным с такими жертвами просторам.

Как, как такое могло произойти? Почему?

– Николетта, – робко подал голос Лас.

– Не сейчас. У меня траур, – от досады на маменьку я стала нервно кусать губы, но вовремя остановилась и повернулась к нашему приказчику с практически риторическим вопросом. – Мы можем как-то использовать эту землю?

Господин Брен – отличный человек и прекрасный управляющий, единственным недостатком которого было патологическое косноязычие – только развел руками. Ясно.

Я решительно пошла вдоль оврага, не обращая внимания на жалобы брата, что начинается дождь. Когда мы были уже на границе наших владений, на той стороне показались два человеческих силуэта и один собачий. Приглядевшись, я узнала высокую фигуру господина Клауса, его спутник и гигантский черно-белый дог оказались мне незнакомы.

Вот, наверное, злорадствует сейчас по поводу нашей недалековидности и издалека осматривает землю, которую уже почти считает своими владениями. Я редко к кому испытываю настоящую неприязнь, но тут собственнические интересы возобладали над уравновешенной натурой. Видимо, именно по этой причине господин Клаус ощутил на себе мой исполненный «глубокого чувства» взгляд и обернулся. Судя по помрачневшему лицу, вчерашний инцидент с шалью живо отпечатался в его памяти, поскольку он вспомнил, что формально мы знакомы, и, сделав над собой усилие, довольно скованно поклонился. Я ответила легким наклоном головы.

Нет-нет-нет, этот сосед совсем не для задушевных бесед о погоде и будущем урожае. Теперь это скорее противник, а не сосед. Я отвернулась от фабриканта с твердым намерением не проиграть и не пасть жертвой его беспринципной жадности. Закоренелый собственник, живущий во мне, требовал масштабного развертывания военных действий по спасению принадлежащей семье земли.

– Скажите, какая урожайность у этой мари? Когда ее сеют? Закуплены ли уже семена? – забросала я вопросами приказчика.

Управляющий был настолько ошеломлен количеством вопросов, будто не ожидал, что хозяйская дочка умеет еще и говорить.

– Э-э-э... это... как ее... растение, в общем... не сталкивался... так... но соседи... соседи говорят... что... четырнадцать этих самых, которые... центнеров, во!.. с того...

– Господин Брен, напишите мне, пожалуйста, это все на бумаге, хорошо?

Приказчик кивнул, благодаря, что я не стала продолжать его мучений. Странное дело: он отлично общался с нанятыми работниками, но, как только дело касалось хозяев или любого другого дворянина в округе, его речевой центр наотрез отказывался выдавать более-менее связанные между собой предложения. В письменных же отчетах, на которые мы вынуждены были перейти (ведь человек-то толковый), господин Брен обходился хотя и топорными, но довольно понятными фразами. Впрочем, у всех свои недостатки – главное, чтобы достоинства их перевешивали.

Я посмотрела на сухие ряды цифр отчета, как-то сразу приуныла и начала терять запал. Расчет сельскохозяйственных возможностей наших угодий затягивался. Не то чтобы математик из меня был совсем уж никудышный, но не пышущий энтузиазмом – это точно. Почему бы людям не изобрести машину, которая сама производит вычисления? Я рассеянно погрызла кончик карандаша.

Стойте!

У нас же есть такая!

Хмурый Ерем, скрестивший пухлые ручки на груди, был торжественно внесен Ласом в кабинет, а затем усажен на стул напротив меня. Вот она – моя автоматизированная счетная машинка! Осталось только внести в нее нужную информацию и заставить работать. А это будет непросто. Ерем – самый трудный ребенок из всех, которых я когда-либо видела.

И поэтому разговаривать с ним как с ребенком определенно не стоило.

– Не поможешь нам с расчетами? – спросила я без намека на тот сюсюкающий голос, которым взрослые любят обращаться к маленьким детям. – Все твои родственники плохо дружат с математикой.

– Зато хорошо с ленью. – Маленький грубиян видел меня насквозь.

Я промолчала, успокоенная тем, что он все же подвинул к себе записи приказчика и начал выводить на них ровные, словно напечатанные типографским станком, цифры.

– Мне надо выяснить, какой урожай мы получим, если засеем все свободные земли марью. – Мое робкое высказывание было встречено хмурым взглядом, говорящим о том, что младший брат, в отличие от меня, не такой тугодум и сразу все понял.

Буквально через минуту половина листа была исписана аккуратными цифрами, а под ними стоял устрашающий итог: в среднем двести восемьдесят центнеров.

Ерем мрачно и неодобрительно посмотрел на меня, я оглянулась на Ласа, ища поддержки и ободрения, но наследник заинтересовался паутиной в одном из углов кабинета и теперь увлеченно гонял пальцем ее хозяина вниз и вверх по серебристым нитям.

– Еремушка, – жалобно протянула я, – а может, ты ошибся где-нибудь?

Вся моя уверенность в будущей победе над кознями хитрого промышленника как-то улетучилась.

Ерем, оскорбленный в своих лучших чувствах, еще более мрачно подвинул ко мне свои вычисления, дескать, проверяй! Но я-то знала, что в расчетах маленький гений никогда не ошибается, не в пример нашей матушке.

– Лас, ты все запомнил? – в сотый раз спросила я, меряя шагами скользкую дорогу по направлению к фабрике господина Клауса – экипаж был еще не перекрашен, поэтому все расстояния приходилось преодолевать только собственным упорством.

Брат рассеянно кивнул.

Нет, я, конечно, доверяю Ласу, но совершенно не доверяю тому, что он говорит. Придется быть все время начеку – деловые переговоры отнюдь не конек нашего наследника.

На территорию фабрики мы вошли с некоторой неуверенностью и опаской и тут же погрузились в деловитую суету: рабочие проворно сновали по территории, переносили какие-то коробки и мешки, звонкими голосами отдавали

распоряжения и такими же звонкими голосами отвечали, а за всем этим движением уверенно гудели фабричные станки. В воздухе витал едва уловимый травяной запах, и поэтому казалось, что находишься где-то на сеновале. Атмосфера этого места настолько отличалась от атмосферы всей размеренной и сонной округи, что я на некоторое время даже замедлила шаги от восхищения, за что тут же была вознаграждена бранью проходившего мимо рабочего. Лас, зазевавшись, попал в поток людей, по гудку выходивших из дверей фабрики – видимо, на обед, и теперь вертелся волчком в этом течении, пытаюсь вырваться на свободу. Я улучила момент, поймала брата за рукав и потянула за собой, стараясь подстроиться к темпу шага занятых служащих, чтобы снова не стать причиной пешеходных происшествий.

К счастью, господин Клаус оказался не только в своей конторе, но еще и в достаточно хорошем расположении духа для того, чтобы нас принять. Стоило мне переступить порог его кабинета, как пришлось приложить все усилия, чтобы вести себя полагающимся воспитанной девушке образом: то есть мило улыбаться и молчать. Фабрикант поздоровался с нами довольно сухо, а затем скептически оглядел сначала Ласа, потом меня.

– Это мой партнер – господин Жерон, лицо доверенное, поэтому можете не опасаться обсуждать в его присутствии дела, – представил он нам интеллигентного мужчину почтенных лет, стоявшего около окна. Партнер забавно пошевелил черной щеточкой усов и непринужденно поклонился. Он был намного старше господина Клауса, но держался почему-то не в пример свободней. – Присаживайтесь.

Пятнистый дог, лежавший на ковре рядом со столом, приветствовал нас глухим утробным ворчанием – видимо, сердился, что хозяин не представил и его.

Мы сели, и я поздравила себя с тем, что с момента входа в помещение сказала только два слова: «Добрый день». Это, определенно, был успех, учитывая все те обвинения, которые рвались наружу. К несчастью, Лас сказал ровно столько же... И чтобы подстегнуть события, я пнула его ногой под столом, не забыв при этом сохранить самое приветливое выражение лица.

– Я хотел обсудить с вами условия договора, заключенного с моей матерью, а точнее, их изменение, – вполне складно, как учили, начал вещать Лас, и все было бы хорошо, если бы собеседник интересовал его больше, чем прожилки на дубовом столе.

Моя туфелька снова врезалась в лодыжку брата, заставив мечтателя вздрогнуть и отвлечься от ценной породы древесины.

– Договор подписан, и у меня нет повода для его изменения, – отрезал господин Клаус, скорее всего, пришедший в крайнее раздражение от отношения Ласа к происходящему.

Я снова была вынуждена воспользоваться своей туфлей, иначе пауза в разговоре слишком затянулась бы.

– Мы полагаем, что намеренно или нет, но наша мать была введена в заблуждение относительно урожайности мари, на поставку которой подписан договор, – еще одна отлично заученная фраза. Так держать! Давай-давай, я слегка толкнула Ласа коленом. – Думаю, что необходимо изменить сроки или объемы.

Правильно, начинать нужно мягко. Но все портило рассеянное выражение на лице брата: если бы он был способен прямо и строго смотреть в глаза собеседнику, до фабриканта сразу бы дошла скрытая угроза. Сюда бы Ерема с его отработанным «взглядом смерти», но вряд ли кто-то станет серьезно разговаривать с шестилеткой, точно так же, как и с барышней в кружевах.

– Поверьте мне, леди Иветта была прекрасно осведомлена о всех характеристиках растения, которое я предложил ей выращивать.

– Понятно, – растерянно пробормотал Лас.

Что значит «понятно»? Ничего не понятно! Под прикрытием стола я ущипнула его за ногу, но, видимо, перестаралась: Лас ойкнул и удивленно посмотрел на меня. Хозяин кабинета и его партнер тоже...

Нет-нет, игра с марионеткой мне явно не удавалась. Я решительно положила руки на крышку стола – жест волевой, но весь эффект портили кружевные перчатки.

– Господин Клаус, нам хорошо известно, что ни у одного фермера в нашей округе не было такой урожайности мари, как та, которую вы указали в контракте. И вы

не можете не знать об этом. Понимаете, что это означает?

– Нет, просветите меня, если не трудно, – холодно и насмешливо улыбнулся промышленник. Его партнер глядел более дружелюбно, но тоже ухмылялся в усы.

– Мы можем обвинить вас в мошенничестве, – продолжила я.

Ожидаемого эффекта не последовало. Не к добру.

Господин Клаус положил руки на стол, сцепил их в замок и немного подался вперед:

– Я скажу вам, что это означает. Это означает, что прежде чем выдвигать обвинение честному человеку, необходимо хорошо проверить свою информацию. – Я открыла рот, но он поднял руку, предвосхищая поток слов. – Поверьте, у меня есть поставщик, который добивается даже большей урожайности, чем та, которая указана в вашем договоре.

Я проглотила его слова как горькую микстуру:

– Надеюсь, вы можете назвать его имя?

– Отчего же нет, это коллективное хозяйство катонских переселенцев.

Я недоуменно подняла брови. Не слышала о таком. Посмотрела на Ласа – но помощи от него не было никакой.

– Они находятся к югу от Кладезя, – пояснил фабрикант, видя мое замешательство. – Если необходимо, я могу предоставить документацию, которую показывал вашей матушке.

Поражение было полным и безоговорочным. Никогда еще не чувствовала себя такой идиоткой, как сейчас. Последней каплей стал вопрос господина Клауса – а знают ли наши родители о том, что мы пришли к нему с такими претензиями (тут смутился даже Лас). Теперь-то я прекрасно понимала, что с этим человеком

нельзя быть слишком самонадеянной. Оставалось только вырастить этот треклятый урожай!

Уж будьте уверены, я приложу к этому все свои усилия, а также все усилия Ласа, хочет он того или нет!

Выйдя из конторы господина Клауса, я завернула за нагромождения каких-то тюков и остановилась на секунду, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Брат застыл рядом и смотрел сочувственно, будто мои проблемы не являлись и его проблемами тоже.

Из-за тюков раздался смеющийся незнакомый голос:

– Совершенно дикая девчонка! Я думал, она вконец запиная парня и нам придется скидываться ему на венок.

– Лучше приберечь денежки на валерьянку для бедняги, который когда-нибудь по глупости захочет стать ее мужем. – Язвительный голос господина Клауса я узнала без труда.

Глава 3

Превратности сельскохозяйственного шпионажа

– Прямо так и сказал? – Алисия едва не поперхнулась чаем, который мы пили вприкуску с обсуждением последних событий, воспользовавшись отсутствием ее родителей. – И что ты сделала? Надо было дать ему пощечину! А Лас вызвал его на дуэль?

Кажется, мою подругу гораздо больше беспокоило мнение господина Клауса о моей персоне, высказанное в язвительном тоне, чем невыполнимые условия заключенного с ним договора.

– Стоп-стоп-стоп. Ты явно перечитала любовных романов. Я не пылкая героиня, Лас не рыцарь-защитник чести. К тому же мы подслушали разговор (пусть и

случайно), а это не та ситуация, в которой можно выскочить перед носом обидчика с криком: «Как вы смеете, подлец!»

– И что ты собираешься делать?

– Ничего.

– Подобное оскорбление нельзя забыть! – Алисия с таким ожесточением сломала в руках сушку, что один из ее кусков нырнул ко мне в чашку.

– Я верю, что ты будешь мстить за меня жестоко и беспощадно. – Отчаянного ныряльщика пришлось осторожно выловить ложкой.

– Николетта, побудь хоть немного серьезной! Ты должна что-нибудь предпринять! Знаю! Вынудим его сделать тебе предложение, и ты его отвергнешь! Так и скажешь: «Еще недавно ваше мнение обо мне было настолько ужасным, что, памятуя о нем, я просто не могу стать вашей женой». – Глаза подружки горели экстазом. В своем воображении она уже поставила этот безумный спектакль. – Не правда ли, красиво звучит?

Я забулькала, безуспешно стараясь сдержать смех:

– И после этого ты меня призываешь к серьезности?

– Не смейся!

– Ну как же не смеяться, если ты противоречишь любой логике? С чего бы господин Клаус стал делать предложение? Ты слышала, какого он обо мне мнения?

– Я тебя научу, как его заставить.

– Боюсь, твои уловки мне не подойдут. К тому же это безнравственно – пытаться играть чувствами человека. У меня сейчас совершенно другие заботы.

– И почему именно ты обязана так пекся о вашем имении?

– А потому, что, если вдруг мне суждено остаться старой девой, я вынуждена буду жить у своего брата, и в таком случае хотелось бы жить в довольстве и комфорте.

– Как всегда, расчетлива.

– Меня волнует другое: почему Лас так же не хочет жить в довольстве и комфорте?

– Просто у него отсутствует мотивация, – пожала плечами Алисия. – Он обеспечен всем, что нужно.

Значит, ему должно требоваться больше. У меня в голове возникла шальная идея:

– Я знаю, как создать у него мотивацию! Он сделает тебе предложение, а твоя матушка, как всегда прямолинейно и без церемоний, скажет ему, что он слишком беден, чтобы надеяться на успех!

Теперь уже забулькала чаем Алисия:

– Но разве кое-кто пять минут назад не говорил, что безнравственно играть чужими чувствами? К тому же в данном случае речь идет о чувствах родного брата!

– Он же не щадит моих чувств, когда я переживаю за его будущее и будущее его наследства! Ну Алисия, ну, пожалуйста, тебе и надо-то всего лишь улыбаться ему чуть чаще.

– И как я умудрилась завести столь бессердечную подругу? – Алисия сощурила красивые глазки. – Но учти, мне нужен равноценный обмен: я улыбаюсь Ласу, а ты улыбаешься господину Клаусу.

На следующий день я оделась попроще, под тоскливо-голодный взгляд Оськи набрала в корзинку столичных конфет на гостинцы и отправилась покорять прилегающие фермерские просторы. Покорять предполагалось с помощью

мелких подарков и скромного личного обаяния – другим оружием я не располагала. В общем, успех мероприятия был крайне сомнителен.

Начинать следовало с не очень добрых, но все же знакомых, на полях которых работали (отбывали наказание) родственники. Фермера, которому я отдала на растерзание Ефима, звали Станом. Он был очень высок, крепок и явно не рад моему появлению.

Общую недоброжелательную атмосферу усугубляли упрямая коза, которую фермер вытаскивал за веревку из сарая, а также печальная фигура Ефима на горизонте, обессилено повисшая на черенке лопаты и гипнотизировавшая картошку взглядом – видимо, в надежде, что когда-нибудь та выкопается сама. Господин Стан оказался на редкость изобретательным и здравомыслящим человеком, не отправил моего брата на общее поле, а заставил вкалывать на небольшом, но самом сложном участке, окруженном кустарниками и плодовыми деревьями.

– Вы не вовремя. – Фермер озвучил очевидное, а коза подтвердила сказанное противным блеяньем.

– Простите, но я только хотела с вами побеседовать. Может, я вам помогу? – дружелюбие и еще раз дружелюбие – больше крыть мне все равно было нечем.

– Бе-э-э!

При этом заявлении у господина Стана, похоже, начался нервный тик. Но когда его взгляд упал на зависшего над корнеплодами Ефима, душераздирающее зрелище, видимо, напомнило ему о том, что у нас вся семейка с приветом.

– Бе-э-э!!

– Держите козу, – протащив упирающееся животное на метр вперед, он вручил мне веревку.

– Бе-э-э?

Когда я говорила о помощи, то имела в виду, что могу принести что-нибудь, сбегать за батраками или дать бесполезный совет. При идеальном стечении обстоятельств собеседник должен был от моей помощи отказаться, испытав при этом прилив горячей благодарности. Ведь главное что? Конечно же благородный порыв!

Надо ли упоминать, что состязание с козой в перетягивании каната совсем не входило в мои планы?

– А зачем ее надо держать? – Я не показала своего разочарования и даже улыбнулась, пусть это и было нелегко: рогатая не признала за мной хоть сколь-нибудь весомого авторитета и поэтому продолжала натягивать веревку с такой силой, что мои каблуки уже начали боронить землю.

– Не пускайте ее внутрь, а я пока почищу хлев. – Фермер развернулся и скрылся в сарае. Может, мне, конечно, и показалось, но настроение у него значительно улучшилось.

– Бе-э-э?!

Я очутилась в самом глупом положении – впрочем, как всегда, пора уже перестать так удивляться. Если хорошенько подумать, то вместо того, чтобы вручать веревку мне, фермер всего-то и должен был, что привязать животное к колышку около сарая. Не знаю, в чем заключался его коварный замысел, но проявлять чудеса сообразительности теперь уже было поздно. Я поглядела на колышек, оценила расстояние, затем решила воззвать к козе:

– Ну хватит уже, пойдем со мной, смотри, какая около столбика травка вкусная, сочная... идем, будь умницей.

Коза прекратила блять и поглядела на меня скептически.

– Зеленая травка, – заискивающе повторила я.

Взгляд козы стал оценивающим, и на секунду она перестала натягивать веревку. Кажется, рекламная кампания места отдыха под названием «столбик» имела успех.

– Хорошая девочка, – ворковала я. – Идем, моя умница.

«Хорошая девочка» вдруг взяла разбег и, низко наклонив голову с маленькими, но острыми рожками, понеслась на меня. Я только и успела, что ахнуть и отпрыгнуть в сторону. Веревка выпала из рук.

– Бе-э-э!!!

В отличие от меня, коза не испытала никакого замешательства, резво проскакала мимо, звеня колокольчиком и путаясь в длинном конце бечевы. Путь ее лежал прямо по направлению к огороду, достигнув которого животное стало жевать первый попавшийся куст, ревниво косясь на меня одним глазом.

В дальнейшем, стоило подкрасться к концу веревки и протянуть руку, чтобы ухватиться за нее, демоническое животное отбегало к следующему кусту.

– Сдавайся, сестренка, уж козу-то тебе ни перепрыгать не удастся, ни взять интеллектом. – Тут как тут нарисовался Ефим. Сон, который сморил его над грядками с картошкой, словно рукой сняло при виде моих злоключений. Может быть, он и переживал за меня по-братски, но внешне ничем этого не выдавал. Если не считать белозубую улыбку признаком глубокого сочувствия.

– Ты говоришь это с такой уверенностью, будто пытался, – отмахнулась я.

Ответом мне было сконфуженное молчание.

Так, понятно. Значит, я не первый участник этого аттракциона.

– Обойди с другой стороны, и я погоню ее на тебя.

– Может, лучше я погоню ее на тебя? – Ефиму мое предложение пришлось явно не по вкусу.

Пока мы препирались, коза, скорее всего, осознала всю опасность своего положения и поэтому, нисколько не чинясь, залезла в заросли крапивы рядом с оградой, откуда насмешливо смотрела, жуя резные листья со жгучих стеблей.

Мы с братом переглянулись: никто из нас не обладал такой крапивоустойчивостью.

– Ты вообще зачем сюда пришла? Следишь за мной? – Ефим попытался скрасить положение светской беседой.

– Сдался ты мне. У меня здесь важное дело – сельскохозяйственный шпионаж, – я заметила кончик веревки, заманчиво выглядывающий из зарослей крапивы, но стоило податься в его сторону, как коза слегка повернулась – веревка исчезла в опасной траве, а я едва не полетела за ней следом. Сейчас такой заряд природной бодрости получила бы! На весь день хватило бы, еще и на следующее утро осталось.

– Бе-э-э!!!

– Вы ее едой попробуйте приманить, – внезапно раздался девичий голосок.

Я оглянулась: около ограды стояла молоденькая девушка с не по годам смысленными глазами и русой косой до пояса. Перевела взгляд на Ефима: щенячье обожание на лице брата моментально определило незнакомку в дочки к фермеру. Ну что ж, хорошо хоть так, а то я уже опасалась, что это будет какая-нибудь румяная дуреха с бессмысленным взором, лузгающая семечки на завалинке.

Легко сказать «приманите едой», у нас сейчас из еды под рукой имелась только сырая картошка – на месте козы я бы на такое не повелась. Корзинка с конфетами осталась висеть на заборчике рядом с хлевом – пока за ней сбегашь, коза успеет что-нибудь отколоть. Да и, по совести говоря, жалко мне было для нее конфет. Глядя на мою растерянность, девушка достала из кармана кусочек сахара:

– Марта, Марта.

Но коза не шла: она посмотрела сначала на лакомство в руках хозяйки, потом на меня и упрямо продолжила жевать крапиву, как бы заявляя: «Что мне ваш сахар, если есть крапива».

Что ж, делать нечего, принесем кого-нибудь в жертву.

– Ефим, придется тебе вытаскивать ее оттуда, – решительно сказала я. Чем решительнее тон, тем больше шансов, что тебе подчинятся.

– Ты что! Там же крапивы до самых ушей! – справедливо возмутился брат. – Тебе надо, ты и вытаскивай.

– Я же для нашего общего благосостояния стараюсь! Может статься так, что к тому времени, когда ты соберешься жениться, нам нечем будет оплатить твою свадьбу.

Видимо, связь между козой, крапивой и нашими финансами была для Ефима слабоощутимой, потому что разумный довод произвел обратный эффект.

– Тогда я не стану жениться. Я, собственно, и не собирался.

Конечно, в шестнадцать лет никто не собирается.

– Ну хочешь, я ее вытащу? – неожиданно предложила девушка, которая после неудачи с сахаром не вмешивалась в нашу перепалку. На губах ее играла провокационная улыбка, истолковать которую можно было двояко: и как шутливую заботу о бюджете будущей семьи, и как похвальбу собственными навыками в деле животноводства.

– Не двигайся с места, не вздумай! – запротестовал Ефим. Конечно же он не мог позволить даме сердца (не то что собственной сестре!) лезть в крапиву.

Братец спустил закатанные рукава, девушка сбегала до сарая за грубыми перчатками – в общем, вид Ефима стал очень даже героическим. Сила любви творит чудеса. Коза немного пометалась по зарослям, но без энтузиазма, скорее для поддержания образа. Бежать ей было некуда: с одной стороны – изгородь, с другой – мы. Брат вытащил упрямыцу из крапивы буквально за острые рожки. Я быстро схватилась за веревку и, во избежание повторения инцидента, намотала конец на руку.

Под таким двойным конвоем коза и была доставлена к хлеву, из которого, будто подгадав минуту, как раз вышел фермер. Он оглядел нашу измученную группу и хмыкнул в усы:

– Могли бы просто ее привязать, а не выгуливать.

«Что ж вы сами-то ее не привязали?» – хотела обвинить его я, но вовремя взяла себя в руки. Зря, что ли, наравне с козой скакала по полю?

Пришло время действовать дальше.

– Может, вы все же уделите мне несколько минут и покажете поле, засеянное марью? – немного заискивающе спросила я, поглядев снизу вверх в глаза господина Стана.

– Хорошо, только сначала лам покормим, – со странной улыбкой сказал фермер, загоня обиженную потерей всеобщего внимания козу в хлев.

– Папа! – возмутилась девчушка с косой.

Так, похоже, эта странная улыбка означала, что хозяин решил и дальше поднимать себе настроение за мой счет.

– Нет, ну должны же мы их кормить.

– Правда, сестренка, иди, покорми лам, они дружелюбные, – встал на сторону фермера Ефим.

Подхалим несчастный. За кого они меня принимают?

– Мы же взрослые люди, может, обойдемся без лам? – попыталась я свести все на шутку. Не то чтобы хоть раз в жизни видела лам, но общая атмосфера подавала интуиции ненавязчивые сигналы.

– Как скажете, – пожал плечами господин Стан и повернулся ко мне спиной: – Я же говорил, что очень занят.

Кажется, я поняла: он пытался, пусть и вполне безобидно, отомстить мне за ситуацию, в которую попал, придя к нам в дом с пойманным за руку Ефимом. Этому человеку совсем не нравилось оказываться в смешном положении, поэтому он на свой лад пытался ответить нашей семейке тем же. Одному лешему известно, что уже успел претерпеть здесь мой брат.

Ну что ж, я достаточно уверена в себе, чтобы не обижаться, когда надо мной беззлобно подшучивают. В конце концов, не съедят же меня эти ламы. Или съедят?

Увидев кроткие верблюжьи глаза, я сразу поняла, что как минимум выживу. Животные были пугливыми и гладить свою мягкую шерсть не позволяли. В чем тут подвох? Может быть, мне придется насильно кормить каждую с ложки?

Фермер отлучился на минуту, а затем вернулся с двумя ведрами какого-то пахучего корма и вручил мне одно. А я думала, что эти неземные создания питаются только травой.

По какой-то странной прихоти кормушка для лам была круглой и находилась почти в самом центре загона. Господин Стан снял задвижку замка с ворот и посмотрел на меня с видом человека, готового махнуть стартовым флажком перед забегом на короткую дистанцию: его лицо советовало приготовиться, чтобы не замешкаться на старте – иначе будет худо. Наверное, он нарочно преувеличивал, потому что ламы держались поодаль от забора и намеренно не глядели в нашу сторону. Меня не так-то легко запугать.

Я решительно протиснулась в приоткрытую им дверцу и только ступила на взрытую десятками копыт землю, как поняла, что атмосфера вокруг резко переменялась. В кротких глазах лам сверкнул зловещий огонек: они поняли, что к ним зашла еда...

Пока животные мешкали, размышляя, насколько безопасно приближаться к незнакомому человеческому существу, я мигом оценила ситуацию и припустила к центру загона, стараясь не раскидать корм по дороге. Ламы бросились за мной, пока еще не быстро, но достаточно резво, чтобы не отставать. Должно быть, со стороны моя фигура, бегущая по загону во главе табуна лам, представляла собой довольно жизнеутверждающее зрелище, потому что мне вслед неслись захлебывающийся смех фермера.

В момент, когда я почти достигла кормушки, ламы окружили меня плотным кольцом и ясно дали понять, что так просто от них не уйти. Животные толкались мягкими горячими боками, лезли носами в ведро, и в конце концов кто-то особенно шустрый цапнул меня за рукав, отчего весь корм полетел на землю. Вот и все.

Я нисколько не расстроилась: запустили меня в этот загон явно не для того, чтобы донести ведро до кормушки, а как раз для того, чтобы тесно познакомиться с ламами. Можно было считать миссию выполненной. Фермер тоже вошел внутрь, и животные окружили его еще более смело. Но ему всего-то и надо было, что поднять ведро повыше – еще ни одна лама не научилась прыгать на высоту двух метров.

Воспользовавшись тем, что господин Стан увлечен кормежкой своих шерстяных подопечных, я преспокойно вышла из загона, с чувством выполненного долга закрыла дверь на задвижку и, сложив руки на груди, стала ждать.

Всем известно, что хорошие защелки на загонах делаются таким образом, чтобы изнутри до них нельзя было ни дотянуться, ни тем более открыть. Наш фермер, естественно, был рачительным хозяином.

– Хорошая попытка, леди, – посмеялся он надо мной, когда, подойдя к выходу из загона, сообразил, что я имела смелость запереть его на собственной ферме.

Я, конечно, немного не учла почти двухметрового роста господина Стана, и, глядя, как кончики его пальцев тянутся к железной щеколде, на долю секунды упала духом, но нет... Ему не хватало каких-то сантиметров!

– Великолепная попытка! Чего уж тут скромничать! – Я тоже улыбнулась.

– Ну ладно. – Фермер примирительно поднял огромные натруженные ладони. – Пошутили, и хватит. Открывайте.

– А вы мне экскурсию по полю с марью проведете? – подозрительно спросила я.

– Проведу, – сдался узник.

– И больше никаких практических занятий по животноводству?

– Обещаю.

– И еще пусть купит мне ленты, красные, атласные, – раздался живой девичий голосок над моим ухом.

А фермерская дочка не промах – как по волшебству появилась в нужное время и в нужном месте.

– И красные ленты, – добавила я, памятуя, что должна этой девчонке за козу.

– И красные ленты, – обреченно повторил господин Стан, к которому снова стали проявлять интерес ламы. Насытившиеся животные, видимо, требовали тепла и ласки.

– И башмачки... – попробовала ухватить момент подружка Ефима, но не тут-то было.

– Хватит с тебя и лент! – в два голоса заявили мы с фермером, затем уважительно друг другу улыбнулись, будто наконец пришли к взаимопониманию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vasil-eva_yuliya/urozhay-sobrat-ne-prosto

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)